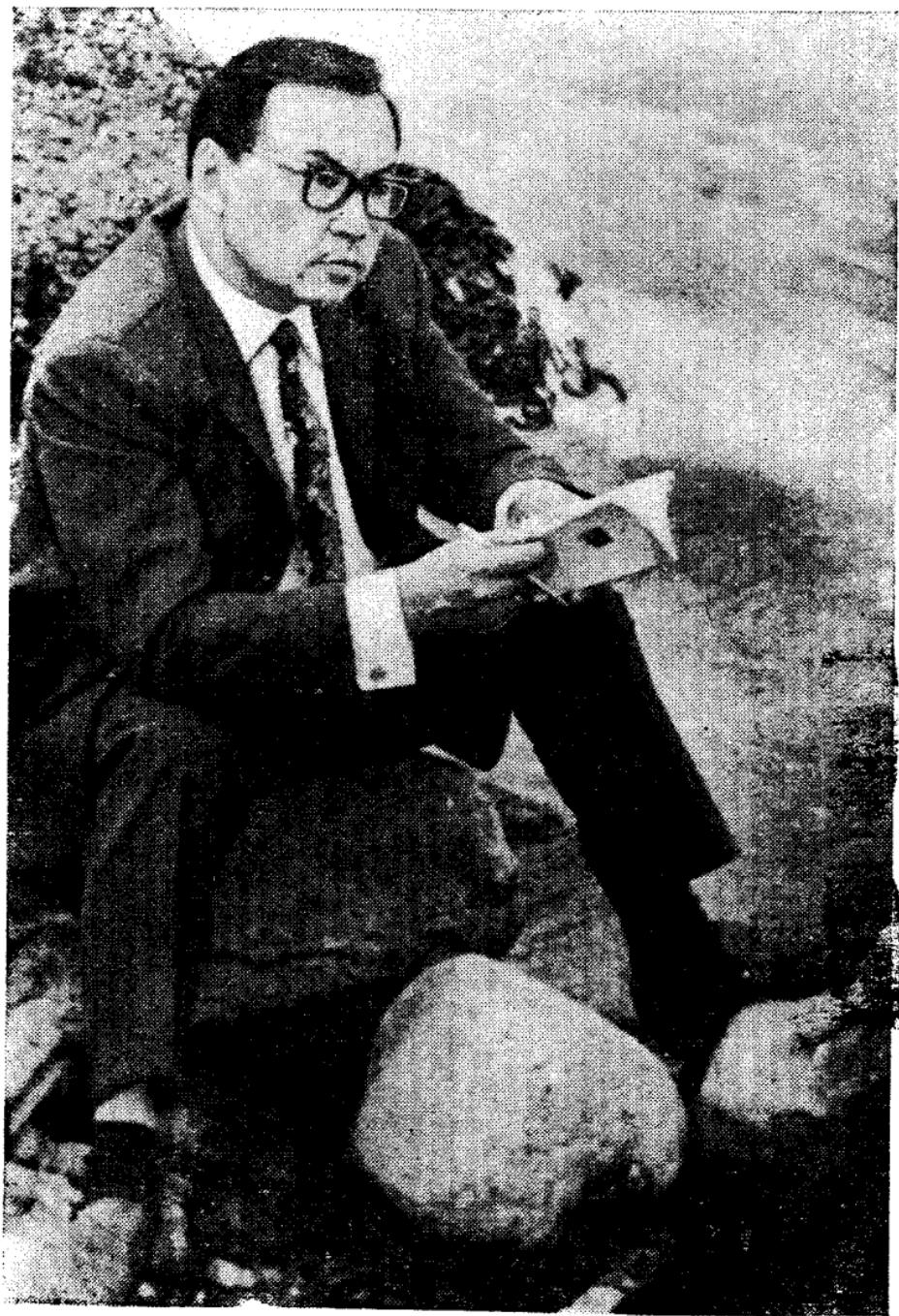

Джубан
Мұлдағалиев

ДОЙДУ
ДО
ГОРИЗОНТА

Джубан Мулдагалиев

ДОЙДУ
ДО
ГОРИЗОНТА

05

Издательство „Жазуиы“ Алма-Ата – 1976

М 90
Каз 2

Перевод с казахского В. С. Савельева

Мулдагалиев Джубан

М 90 Дойду до горизонта (новые стихи и поэмы)
Алма-Ата, «Жазушы», 1976.

288 с.

В книгу лауреата Государственной премии Казахской ССР Джубана Мулдагалиева «Дойду до горизонта» вошли новые стихи и поэмы. Значительное место отведено в ней теме Великой Отечественной войны, участником которой был автор. Это взволнованный поэтический рассказ «об огнях-пожарищах, о друзьях-товарищах», спасших мир от фашизма, о боевой юности отцов, о верности Родине, дружбе, любви.

Славное продолжение подвигов победителей поэт видит в созидательном труде наших современников, покорителей целины и строителей новых промышленных гигантов, во всем, чем живет сегодня советский народ.

Лирика Джубана Мулдагалиева, представленная в этой книге,— это приглашение к раздумьям и доверительный разговор с читателем...

М 70403 40
402(07) 76 140—76

Каз 2

(C) Перевод на русский язык, «Жазушы», 1976.

СТИХИ

МОЯ ПЕСНЬ

Мне на лучшей из планет дано родиться
В этот век — не самый тихий из веков.
Я во всем земной, как зернышко пшеницы,
Среди белых, желтых, черных земляков.

Я удач для одного себя не жажду,
На ступенях, предназначенных для всех.
Написать бы мне стихи о расе каждой.
О роднящем нас понятье — Человек!

Петь и петь бы мне о материнской силе
И о жизни, что дается только раз.
Молоком нас наши матери вспоили
И вскормили нас легендами о нас.

Мать среди детей — и тают в небе тучи.
Но и мать порой умолкнет у дверей,
Чтоб склониться перед Родиной могучей —
Перед матерью достойных матерей.

Чтоб склониться перед самым добрым
светом
И грядущей, и сегодняшней земли.
Наша Родина и наша власть Советов
Государственность казахам принесли.

Сердцу Родина мила в косынке майской
И в своем июльском будничном платке.

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» —
Герб несет и на казахском языке.

А ведь прежде нас губило разобщенье,
Каждый день мытарства горестные нес.
И не знала степь иного орошенья,
Кроме пота, кроме крови, кроме слез.

И в забитости народ мой находился...
Повод жизни в руки верные беря,
Принимая всенародное единство,
Казахстан парит на крыльях Октября.

И все шире эти крылья в небосводе,
Щедрым солнцем пересыпаны года:
Нет, не зря степной простор своей свободе
Имя Ленина присвоил навсегда!

И несет казах таких свершений бремя,
Что и степи прогибаются слегка.
И в Политбюро по праву в наше время
Заседает сын простого степняка.

Над казахом ныне знамя плещет ало.
Братство наций помогло нам в нужный миг
Пятилеток пыль смахнуть с лица устало,
Смыть с ладоней кровь походов боевых.

И за братство это шли мы в бой сурово,
Кровь и пот не измеряя на весах.
О враге казах подчас не скажет слова,
Но восславит друга истинный казах!

Он страну свою восславит не однажды
Серп и молот — этот символ всех побед.

Он восславит флаги красные:
Ведь в каждый
Полосой вошел национальный цвет.

Человек и Друг во мне навеки вместе.
Благодарен я тебе, моя страна,
Каждым вздохом, каждым словом, каждой
песней
За возвышенные эти имена!

ВЕСЕННЯЯ СТЕПЬ

Степь исполнена света.
И вскипают слегка
Травы знойного лета —
Будто озеро это
Под крылом ветерка.
Нет картины чудесней!
Чуть дрожат ковыли,
Словно с тихою песней
Жаждут взмыть в поднебесье
Над простором земли.

Здесь подснежников знаки
Робко радуют взгляд.
Здесь тюльпаны и маки,
Точно звезды во мраке,
Алым светом горят.
Трав тихонько касаясь,
Мчатся тени, легки.
И джигитам на зависть,
Будто губы красавиц,
Чуть влажны лепестки.

Здесь емшан и поныне
Славен силой огня.
На знакомой равнине
Горький привкус полыни
Вновь волнует меня.
Вновь щекочет мне ноздри
И вливается в грудь.
Здесь со свежестью росной
Я целебнейший воздух
Рад поглубже вдохнуть.

Песни. Долгие годы.
Богатырский размах.
Да глубокие своды.
Да упругие всходы
На колхозных полях.
Как могуче, гляди-ка,
В травах катится вал.
От него ль эти блики?
Океан ли Великий
В степи откочевал?

Выбирай же дороги
И судьбу торопи!
В этом счастье для многих —
Сила нашей эпохи,
Сила нашей степи!
Свет стирает границы.
И недаром, пойми,
Здесь торопятся птицы
Радостью поделиться
С травами и людьми.

Здесь рассветною ранью
Дышишь новью судьбы.
Здесь сквозь все расстоянья
Круто, по-великаны
Вдаль шагают столбы.
Мне бы, мне бы былинно
Так шагать без дорог,
Чтоб от горной вершины
И до каждой ложбины —
Все увидеть я смог!

Чтоб хребты, перекаты
И каналов штрихи

Вновь успел бы к закату
Нанести я на карту
Под названьем «Стихи».
Знаю, ветра призванье —
Быть прохладой самой.
Манит ветра дыханье,
Словно это дыханье
Твой, что рядом с тобой.

Травам сладко и стыло
В росах, выпавших сплошь.
Полнясь огненной силой,
Играм душу раскрыла
На лугах молодежь.
Месяц всходит двурогий.
В этом щедром краю
Не подступит тревога:
Мол, годам понемногу
Сердце я отдаю...

Сколько весен лукавых
Над землей пронеслось?
Помню, слева и справа
Поредевшие травы —
Точно прядки волос.
Травы серого цвета...
Почему же ясны
Надо мною рассветы?
Так откуда же эта
Жажда новой весны?

* * *

Зачем девчонку я обидел, право?
В тот день простор
Дышал осенним сном,
В тот день ломило все мои суставы,
Березы грустно стыли под окном.

Писать? Но настроенья не хватало —
И дело с места даже не сошло.
К тому же и газеты, и журналы,
Конечно, запоздали как назло.

А кто следит за жизнью увлеченно,
Тот завтракать не сядет без газет.
И я в сердцах заметил почтальону:
— На улице закат, а не рассвет!

— Подводят типографии немного...
А, в общем, почта этому виной! —
Ответила девчонка от порога
И попрощалась вежливо со мной.

А взгляд ее
Скользнул за мною следом,
В безмолвии договорив ответ:
«Подумаешь! Как будто наши деды
Совсем не обходились без газет!»

Меня виденья прошлого догнали:
Отец мой в дни, что ныне далеки,
От кляксы букву отличал едва ли
И собирая утрами кизяки.

К отцу годами вести поспешали.
И, светом сердца разгоняя мрак,

Он обходился «длинными ушами»*
Под звонкий лай собаки Майлаяк.

Что было, почтальон, в твоем ответе?
Но есть, наш век,
Среди твоих примет
И эта: сокрушаются соседи
По поводу задержанных газет.

Один — ученый, двое — из рабочих,
Но чем-то одинаковы они.
Ах, милая девчонка, ты не очень
Сегодня нас за вспыльчивость вини!

Попробуй вникнуть в наше огорченье:
За веком век скрывался без следа —
Казахи поздно пристрастились к чтению,
Зато и горячо, и навсегда.

И за себя мы приобщились к свету
И за того,
Кто жил у тьмы в плена...
Я утром в нетерпеньи жду газету —
Прости мне, почтальон, мою вину!

* «Длинные уши» — слухи, передаваемые в степи от юрты к юрте.

ХЛЕБ

Нет, нет, наставленья наскучили мне бы!
Но как нам без хлеба, что ни говори:
Бывало, мне корочка черствого хлеба
Казалась клочком золотистой зари.

Бывало, торговыми сменялись раздоры
Над краем,
Бредущим куда-то в потьмах...
Я видел бесхлебье степного простора
И город, застывший в блокадных тисках.

Сегодня в домах изобилие хлеба,
Военные беды давно далеки.
Ты гость наш —
И солнцем, спустившимся с неба,
Тебе каравай поднесут степняки.

Дивлюсь я, однако же,
Древним казахам,
Знававшим и голод, и мор, и нужду.
Случалось, степняк, поклоняясь аллаху,
На деле, глядишь, поклонялся труду.

На небо бедняк не надеялся слепо
И так заявлял
В неоглядной степи:
«Коран подложи, если тянешься к хлебу,
А если к корану — на хлеб не ступи!»

Поэзия ныне — коран мой чудесный.
И пусть хлеборобы
Степной стороны,
Как будто по лестнице, всходят по песням,
Чтоб с ними сердцами достичь вышины.

ДОЙДУ ДО ГОРИЗОНТА

Он, как волшебная черта,
Манил, манил меня туда,
Где все, казалось, незнакомо.
Он краем скатерти степной
Всегда лежал передо мной
В одном лишь оклике от дома.

Как обруч, окаймлял поля.
И, словно синяя земля,
Скрывал загадочную небыль.
Как будто юрточный шанрак,
На нем покоился в веках
Невозмутимый купол неба.

А где ж соседний был аул?
Я, в дали всматриваясь зорко,
Сперва — мечтал, потом — дерзнул
Достичь однажды горизонта.

На прутике, как на коне,
Без спроса по родной стране
Я мчал, неведеньем объятый.
Чужой приблизился аул.
А синий берег ускользнул
И дальше отступил куда-то.

Сменился дней беспечных ряд.
И вот уже в иные сроки,
Как помнится, я был бы рад
Весь день проказивших козлят
Привязывать к черте далекой.

Потом, когда в упряжке лет
Я шел и шел вперед, согрет

Мечтой высокой и желанной
Качался горизонт, мания,
Держась, как прежде, от меня
В одном лишь оклике гортанном.

Всех привлекала эта близь:
Отары шли в траве зеленой
И кони падали со стоном —
Сминались потные попоны,
Подпруги гнили и рвались...

Плыла от горизонта ночь.
И солнце — древнее светило —
Там плавилось, скрывалось прочь,
А утром снова восходило.

За полстолетия дорог
Я столько прошагал, что мог
Длиной их обвязать планету.
Я к горизонту шел, удал,
И не заметил, как устал
Спешить к тому, что рядом где-то.

Устал? Нет, сотни дел подряд
Мое отчаянье теснят,
Хоть с горизонтом-то, однако,
Все что-то разделяет нас;
Кто знает,
Вечность или час?
Кто знает,
Даль или полшага?

Сейчас никто не устает —
Крылатые настали годы.

Так пусть, как горизонт, вперед
Зовут и манят нас походы.

О горизонт! Презрев опасность,
Достичь его я должен в срок —
Крылом мечты, иль парой строк,
Иль только кончиками пальцев...

ПОЛЫНЬ

Мы знали бед немало
В минувшие года.
И все же нам хватало
Полыни, как всегда.

Она щедрей поленьев
Дарила теплоту.
В покое и в смятенье
Творила красоту.

Скоту годилась в пищу,
Хоть, помню я, металл
Полынным корневищам
Порою уступал...

Полынь снимала хвори.
Ее густую прядь
Ценили люди в горе,
Чтоб в счастье — забывать.

Полынь ветра колеблют.
Но, и лишаясь силы,
Она ни высь, ни землю
Смягчиться не просила.

Разгул ненастий шалых
В веках встречала смело.
Под осень — усыхала,
Весною — зеленела.

Тепло. Лекарства. Пища.
Все, чем ты жив поныне,

Вобрали корневища
Моей степной полыни.

Той, что невзгоды сносит...
Пьянящ и горьковат,
Мне вновь щекочет ноздри
Полынnyй аромат.

ТЫ СНИЛАСЬ МНЕ

Мы снедались во сне, а не воочью:
Одетая то ль в мрамор,
То ль в туман,
У изголовья сына поздней ночью
Стояла ты, родная анажан*.

Как хлопок в летний зной, ссугуля спину,
Молчала...
А в глазах — холодный мрак.
И в самую суровую годину
Ты все-таки не выглядела так.

И я решил великую загадку,
Открыл потусторонности секрет:
Уж коль такому ангелу не сладко
В раю,
То, значит, рая вовсе нет.

Я видел на лице печальном, белом
Следы мучений горьких и тревог.
А в жизни ты ни разу не посмела
Сказать:
— Как я умаялась, сынок!..

О многом говорили мы в молчанье,
Хотя твой мир и прятался во мгле.
И тихий взгляд
Был сыну завещаньем
Простой и честной жизни на земле.

Я дум заветных от тебя не скрою
В тоске о всепрощающей любви.

* А на жан — мать (ласкательное),

Ты хоть во сне
Коснись меня рукою,
Опять своим ягненком назови.

Ягненок!..
Не забыто это слово...
Подругу мне корить не довелось,
Но те, чьи мамы живы и здоровы,
Всем как дети до седых волос.

Сердца не разлучает расстоянье,
Всегда твоим я светом осиян.
Так что же ты молчишь,
Как изваянье,
И уст не размыкаешь, анажан?

Не уходи!..
Под вечер и спросонок,
Забыв о сложной и большой судьбе,
Твой одинокий маленький ягненок,
Как встарь, родная, тянется к тебе!..

Когда очнулся, озираясь сонно,
Измучен, обессилен и устал,
В окно сияло утреннее солнце,
А я корпе* безмолвно обнимал.

Была подушка в наволочке строгой
Мокра от слез, как от росы степной.
И мать уже моих детей
В тревоге
С платком в руке склонялась надо мной.

* Корпе — стеганое одеяло.

НА БЕРЕГУ УРАЛА

Все ту же верность, мой Урал,
Я вновь принес в твои объятья:
Начало всех моих начал
Не может быть простым понятием.

Здесь вырастал я, как тростник.
И пусть простят меня откосы
За то, что на глазах моих
Блестят непрошеные слезы.

В них отражение тревог,
И радости, и сожаленья.
В слезах скрестило сто дорог
Одно недолгое мгновенье.

В них счастье кроется, слепя,
Таится горечь человечья.
Непросто сдерживать себя,
Назначив молодости встречу!

Урал!
Моя ли в том вина,
Что чаще к старости грустится?
Усну — шумит твоя волна,
Летит, воды касаясь, птица.

Печаль и радость — как мои
Глаза. Как вскинутые руки.
И в две дорожных колеи
Ведут нас встречи и разлуки.

Что ж, видно, я немного сдал...
Но обратись к моей надежде:

Мелеет кое-кто, Урал,
А я люблю тебя, как прежде.

Зачем тебе людской язык?
Шумя волною по соседству,
И в мысли ты мои проник,
И в гул взволнованного сердца.

А я стою на берегу —
И город ощущаю рядом,
И все поверить не могу,
Что стал овраг зеленым садом.

Где дни сменялись
Столько раз,
Названья мест иные, в общем...
И я не знаю, как сейчас
Мне обратиться к Ханской роще.

Но никого тут не вини:
Меня сегодня не узнала
Та, что платком в былые дни
Махала мне призывно, шало.

Да и ее ли видел ты,
Стареющую так открыто?
Ее... Но как узнать черты
Когда-то юного джигита?

Прости Джубана, мой Урал,
За то,
Что слез не мог сдержать я.
Начало всех моих начал
Не вправе быть простым понятьем.

МУЖЧИНЫ

Адаму пришлось с небесами проститься,
Но нет нам от женщин покоя на миг:
Подобно поджаренным зернам пшеницы.
С младенчества мы на ладонях у них.

Винить ли в том милое божье созданье?
Пока над планетой сменяются дни
Нам дочери Евы приносят страданья,
Но счастье ведь — тоже приносят они.

Мы в пору седую на дикого зверя
Ходили, скрывая постыдную дрожь,
Чтоб женщины,
Чувству капризному веря,
Судили: тот плох, мол, а этот хорош.

За них мы горели, за них мы тонули,
Грызущую ревность в душе затая.
Один на дуэли валился под пулей,
Другой погибал от шального копья.

Без женщин иной бы предстала планета.
Они отдают нам приказы свои
И правят мужчинами именем Света,
Любви, Красоты, Материнства, Семьи.

Кто видит их слабыми,
Пусть-ка их тронет:
Не сам ли он слабость скрывает, кичась?
Недаром тиран, забывая о троне,
Склонялся и перед рабыней подчас.

Нас женщины звали в небесные выси,
Без них не давались ни труд и ни чин.

Не зря и сегодня от женщин зависят
И взлеты мужчин и паденья мужчин.

«Мужчины — кормильцы и воины!»
Вот как
Мы обособлялись опять и опять.
А сами все богом, законом да плеткой
Старались главенство в семье удержать.

«Все это приписано было мужчине!» —
Пытаемся мы положенье спасти.
Мол, женщине мужество ведомо ныне,
Мол, женская мудрость у мира в чести.

Мол, мы расцветаем под женскою властью,
Мол, женщина может коснуться луны.
Мол, это она, побеждая напасти,
Бывает опорой семьи и страны.

Мужская суровость? В минувшие сроки
Ценили как главную эту черту.
Кто жил от красавицы неподалеку,
Шел первым на бой за ее красоту.

Теперь мы другими становимся, вроде:
Храни, дескать, бог нас от сплетни иной!
Мужчина, мол, тот,
Кто, глядишь, при народе
Ковром расстилается перед женой,

Кто перестирает завалы пеленок,
Кто даже иголкой владеет вполне.
Кто, ревности не ощущая спросонок,
Под вечер цветы преподносит жене.

Но все это шутки.
Не больше. Не меньше.
Нам плохо тогда лишь, когда мы одни.
И если б нам рай предложили без женщин,
Мы выбрали б ад: лишь бы рядом — они.

Мы в свете их рады прожить без остатка
Смешенье счастливых и горестных дней.
Без нас и красавицам тоже не сладко,
Но с нами им часто намного трудней.

Вину нашу не на весах напряженных
Они уточняли, устало клоняясь.
Что ж, мы не безгрешны.
Однако, ни жены,
Ни матери не отрекались от нас.

Отчизну мы матерью гордо назвали —
И шли на врагов не бойцы, а сыны.
Мы сделаем райскими вечные дали,
Любовью над буднями вознесены.

«Мужчина» и «мужество» — тезки поныне.
Адам, уходивший в нерайскую даль,
Не знал, что придется любому мужчине
С годами в огне закалиться, как сталь.

ТУРГАЙСКИЙ РАССВЕТ

Под солнцем даль светла,
Даль дышит теплотою,
Как будто бы снесла
Яичко золотое.

Тургаем в эту пору,
Как зеркалом чудесным,
Отражены просторы
И птицы в поднебесье.

Я слышу, у реки
Волнением объяты
Вздыхают ветерки,
Ликуют лягушата.

Пугая карасей,
Пронзают щуки воду.
А в небе — и гусей,
И уток хороводы.

А небо, как шатер,
Слепит голубизною.
Сары-Арки простор
Лежит передо мною.

Светлы ее деньки
От юности до лета.
Хлеба Сары-Арки —
Вот времени примета!

В рассветные часы
Увидеть довелось мне,
Как, словно бы усы,
Топорщатся колосья.

Нет, дерзких удальцов
Здесь не страшила гибель.
Амангельды бойцов
Давал твой край, Джангильдин.

И ныне здесь, в степях,
Пылающие души:
То русский, то казах
Тебя в объятьях душат.

Здесь подняли они
Свободы нашей знамя.
Здесь подняли они
Трудов целинных знамя.

Пройди из края в край
Ты эту землю-птицу
По имени Тургай*,
По существу — орлицу.

Я всю ее прошел:
Вон там
Встречал рассветы,
А тут под вечер вел
С деревьями беседы.

Куда ни кинешь взор,
Здесь труд, борьба, цветенье.
Для подвигов — простор.
Для песен — вдохновенье.

Подобно соловью,
Хлеба, березы эти,
И души, и рассветы
Я честно воспою!

* Т у р г а й — воробей.

ПОСЕЛОК ДЖАМБЕЙТА

Открыт поселок ста ветрам.
И все же
Не ждет он для себя иной судьбы.
Здесь нет лесов, как нет и гор, похожих
То на девичью грудь, то на горбы.

Великих рек не встретишь в месте этом,
И солнце зноино смотрит с высоты,
Как Шидерты пересыхает летом,
А с ней — Калдыгайты и Уленты*.

«Река Тамды могуче катит воды,
Река Тамды качает пароходы.
Ты лебедью, я соколом над ней.
Моя рука — крыло твоей свободы!»

Вот так в поселок девушку когда-то
Зазвал джигит, вернувшийся с войны.
А на речонке нет ни перекатов,
Ни пароходов, ни крутой волны.

Речонку перепрыгивают дети,
И курице речонка не страшна.
Но тем, кто сердцем
Любит дали эти,
Всегда широкой кажется она.

Вода ее слегка солоновата,
Как будто это чистый пот земли.
Здесь люди впечатлениями богаты:
Их сказочные были увлекли.

* Мелкие реки в окрестностях поселка.

Сердца людские здесь непобедимы.
Они в стремленьи к свету и добру
Способны укротить любую зиму,
Смирить любую летнюю жару.

Какая благодать — рассветной ранью
Проснуться в голубых лугах Тамды,
Когда вокруг, как городские зданья,
Стоят рядами сенные скирды!

Вдали хлеба раскинулись привольно.
Светла, трудолюбива и строга,
Речонка верит, что однажды волны
Ударят здесь с размаху в берега.

Уже в квартиры, словно дар чудесный,
Пришла артезианская вода.
Мелодии бурлят в домах.
И песни
Взлетают над поселком Джамбейта.

Проснись и встань однажды утром рано:
Хоть мало все еще садов вокруг,
Здесь степи за весенние тюльпаны
Не требуют ни денег, ни услуг.

На стройках, упоенных высотою,
Здесь собрались все говоры страны.
Здесь дни влекут рабочей красотою,
Здесь ночи, словно дни, озарены.

Здесь праздник вынуждает к откровению.
Здесь, точно специально для пиров,
Деревья, как шатры, богаты тенью,
А степь — что дастархан земных даров.

Здесь говорят?
«В труде устанут руки,
Но будут хлеб, отары и стада.
Но знать не будут ни нужды, ни скуки
Красавицы, попавшие сюда!»

И веришь, веришь тем словам открытым.
А чем тут вы, красавицы, горды?
Вы — крылья верные своих джигитов,
Орлов, парящих в небе Джамбейты,

Питает землю здесь
В мечтах о чуде
Снегов и ливней щедрая вода.
Здесь землю потом орошают люди,
Рожденные для подвигов труда!

ЗЕМЛЯ КОКЧЕТАВСКАЯ

Степная ширь казаху мать —
Не дам ей имени другого:
Ведь в ней вершка не отыскать
Мне чуждого или плохого.

Как лысина — солончаки...
Но я пустыню клясть не стану:
Веками жили степняки
И на безжизненных барханах.

Где рот сводило жаждой злой,
Сегодня луг
Укрыл просторы:
Очнулись под Бетпак-Далой
Веками спавшие озера.

Ну, что же!
От черты к черте
Пусть земли разнолики будут —
Так по уму и красоте
Междусобой несходки люди.

Но здесь ли подойдет пора
Жить обобщениям в угоду?
Наш Кокчетав — к нему щедра
Была великая природа!

Она, чтоб людям видеть даль,
Приподняла над миром горы.
Она, чтоб отеснить печаль,
Вокруг раскинула просторы.

И с незапамятных веков
Здесь с небом подружила землю,

Чтобы просторы, грому внемля,
Вбирали влагу облаков.

Здесь в ясный полдень
И в ночи
Пьянят цветеньем степь и горы.
Здесь все озера, все ключи —
Очей синеющие взоры.

Здесь стужа властвует зимой,
Слышины метелей завыванья.
А летом опаляет зной,
Как юной девушки дыханье.

Зимы размах. Весны размах.
Но мудрые во всем порядки —
И вот колышутся в полях
Колосьев золотые прядки.

Здесь недра не таят чудес,
Здесь ветры крепкого настоя!
Народ, как древний Окжетпес,
Здесь побратался с высотою!

Леса, сады, луга, поля
Сегодня радостью согреты.
Вся кокчетавская земля
Исполнена сегодня света.

Край тихих зорь, что так ясны,
Твоим певцом я вечно буду.
Край новизны, край целины,
Край праздников и мирных буден.

Хоть здесь Биржаном
Мне не слыть,

А может статься,— и Аханом,
Не к ним ли песенная нить
Меня уводит неустанно?

О рае думали они,
До срока в горестях сгорая.
Я утверждаю, в наши дни
Стал Кокчетав превыше рая!

ДАУЛЕТКЕРЕЙ

Тот край лежал,
Зеленою заплатой
На ру比ще сухих песков держась.
Там озеро с отливом синеватым
Похоже было на верблюжий глаз.

Тот край казался одеялом нежным,
На землю постланным самой весной.
Там три-четыре юрты белоснежных
Нисколько не пугал нарынский зной.

Смертельна мука солнечных объятий.
Но, словно бы наперекор жаре,
Беспечный гомон, вспыхнув на закате,
Там затихал на утренней заре.

Кумыс весельем управлял с охотой.
Среди людей и пышного добра
Кобызу, что звучал пьянящей нотой,
Девичьим смехом вторила домбра.

Лишь изредка влекли ее страданья...
Истомой скован, страстью обуян,
То сладко пел,
То как бы в состязанье
Спешил вступить с гармонями баян.

Бапас* игрой не угрожает небу,
Не проклинает вечную нужду.
Нет, нет, он не кусает пальцы в гневе,
Скорей сосет их, словно те в меду.

* Б а п а с — отец.

И затаенно внемлет мир окрестный
«Печальной деве»,
«Соловью»,
«Невестке»,
«Прелестная» влечет к себе сердца,
«Девичья радость» рвется в поднебесье*.

Да, трогают людей напевы эти —
И души отпускает суета.
И кажется, живут на белом свете
Лишь только торжество да красота.

Да, в том краю веселье шло открыто.
Да, край тот не тревожила беда.
Из белых юрт богатые джигиты
Красавиц выводили иногда...

Но и народ мечтал о светлом часе!
Стояла правда у твоих дверей,
Владыка звуков Даулеткерей,
Кюйши, за песни прозванный Бапасом.

Плескалась нега у тебя во взоре.
Ты, верно, думал годы напролет:
«Не надо в горе людям петь о горе —
И свой кумыс отравой отдает!»

Так в чем, скажи,
Секрет судьбы великой?
Не в том ли, Даулеткерей, что ты,
Давным-давно родившийся владыкой,
Слугою стал... Слугою красоты.

Тебя простые люди воскресили,
А не тираны, Даулеткерей.

* Названия кюев Даулеткерея.

Твое искусство — это наша сила,
Богатство наше, Даuletкереj.

Тебя народ своим считает сыном.
Твои напевы ясные дошли
От самых знойных рубежей Нарына
До самых дальних уголков земли.

НА МАМАЕВОМ КУРГАНЕ

Бесконечной рекой,
Позабывшей покой,
Там и тут, там и тут
Люди тихо идут,
Люди всходят на древний курган.
Люди света полны,
Люди потрясены,
Словно мертвым пора
Подоспела с утра
Проступить сквозь безликий туман.

Все идет и идет
Ныне мирный народ.
Сколько лет,
сколько дней
Длится песня камней —
Говорит о былом Сталинград:
Забывая про страх,
Рвется к городу враг.
На Царице-реке
И на Волге-реке
Насмерть смертные люди стоят.

И свинцовый буран
Дышит зло на курган.
И, поднявшись вдали,
На страданья земли
Солнце тускло глядит с вышины.
Синева не пуста —
Солнце светит всегда
Дым и копоть ему
Уготовили тьму —
Дым и копоть ему не страшны.

В мире нет немоты —
То как вести беды,
То как вести побед
Сводки памятных лет:
«Прошлым вечером наши войска...»
Песнь летит по стране
О священной войне.
И под посвист свинца
Строже боятся сердца,
И любая слезинка горька.

Явь грохочущих дней
Восстает из камней.
И сквозь годы вперед
В бой идет и идет
Под резцами воскресшая рать.
Тонко звонкнул металл —
Сын на землю упал.
И над мертвым бойцом,
Над бескровным лицом
Держит знамя скорбящая мать.

В дни сражений стократ
Духом крепнет солдат.
Но смирилась гроза —
Что ж мы прячем глаза?
Что же взор их не тверд и не сух?
За стеною стена
Здесь несет имена:
И сникает вдова
Ни жива, ни мертвa,
Словно муж ей откликнулся вдруг...

Это памятник тем,
Кто, от ярости нем,

Встал здесь давней порой.
Этот каменный строй —
Как войска на святом рубеже.
Здесь сраженье — и все ж
Ты отсюда уйдешь,
Унося не войну,
Не печаль, а весну.
Унося обновленье в душе.

С постамента в зенит
Гордой песней летит
Год за годом подряд
Сталинград, Сталинград —
Символ моих и чести страны.
Здесь сраженье — и все ж
Ты отсюда уйдешь,
Как другой человек,
Давший клятву навек
Быть достойным героев войны.

Я ДЕЛЮ С НИМИ ЗРЕЛОСТЬ

И опять мне приснилась война отчего-то:
Будто вижу я целую вечность подряд,
Как пикируют вражеские самолеты
И дорогу нещадно бомбят и бомбят.

Слышу: взрывы доносятся глушше и глушше.
Различаю:
На жесткой щетине травы
Рыбой, выброшенной на смертельную сушу,
Бьется тело солдатское без головы.

И хотя по соседству и на расстоянье
Что ни миг похищались ребята войной,
Это не потускневшее воспоминанье
Много дней и ночей неразлучно со мной.

А сегодня мне снилась такая картина:
На былом перекрестке былых большаков
Повстречал я — седеющий ныне мужчина —
Двух своих поседеть не успевших дружков.

Нас, ребят одного и того же призыва,
Сблизил год сорок первый.
Но выдался бой:
Смерть дружков за собой увела торопливо,
Жизнь меня все ведет и ведет за собой.

Были парни убиты...
И все же, и все же
Я их встретил, хотя и не вышел мне срок
Разве мог обознаться я — вот он, Сережа:
Тот, который два танка когда-то поджег.

Лечь готова под памятник площадь любая
В городах, по которым мы шли через край.
Я смотрю на Сергея и на Казакбая —
Черным Снайпером
Прозван был наш Казакбай.

Улыбаются оба:
— Как верные долгу
Мы и ныне планету храним от войны!
Нам в твой сон, понимаешь ли ты, ненадолго
В эту ночь увольнительные вручены!..

Усмехаются те, что убиты когда-то:
— Не заснежены наши виски и сейчас!
И подмигают:
— Не стареют солдаты!
В женихи выбирают красавицы нас!

Я поник у дороги. Нет, нет, у могилы
Я во сне пораженно и немо поник.
Шевельнуться бы — тело оставили силы,
Закричать бы — свинцово недвижен язык.

Задыхаясь, очнулся ночною порою...
Хоть годами дружки мои отдалены,
Их черты подмечаю я в новых героях —
В покорителях космоса и целины.

Вдаль, к вершинам, со мною идут не они ли?
Люди, павшие некогда в смертном бою,
Бескорыстную юность со мной разделили —
Как же мне не делить с ними зрелость свою?!

ПРОХОДЯТ СОЛДАТЫ

Вот солдаты
Строй равняют строго —
И шаги их четки и тверды.
И глядят подолгу на дорогу
Девушки, подростки и сады.

Девушке любви дождаться нужно,
К садоводу ветви тянет сад.
Рад подросток,
Рад сменить на службе
Хоть кого из нынешних солдат.

А солдаты холодом и зноем
На учениях обожжены.
Каждый парень чувствует спиною
Взгляд отца,
Как совесть всей страны.

Войн и скачек нам хватало в жизни...
Словно конь, привыкший быть в строю,
Я сегодня
В юности отчизны
Разликаю молодость свою!

КРАСНАЯ БЕРЕЗА

Крас-на-я бе-ре-за! Крас-на-я бе-ре-за!
Ве-хой ты видна из края в край.
Из листвы осеннеей светит ствол белесо,
Ха-ля-ля! Ля-ля-ляй!

1

Я, в тишине мурлыча безголосо,
Благодарю аллаха самого
За верный слух.
А «Красную березу»—
За пламенность судьбы и волшебство.

Меня Курман тревожит звуком новым,
Рожденным в глубине степной росы.
И снова, снова родником медовым
Пленяет навсегда Курмангазы.

Напев вначале иноходью ветра
Плывет в просторе, утопает в нем.
И, овладев душою незаметно,
По жилам разбегается огнем.

Какая тайна в музыке сокрыта?
Быть может, еле сдерживая шаг,
Под той березой встретила джигита
Судьба джигита с серьгами в ушах?

Стук двух сердец влюбленных
Понемногу
На время покорил себе в тиши
И степи, и забывшее тревогу
Большое сердце мудрого кюйши.

Так забывает мир о пыльном зное,
Пока росу не высушит восход.

Курман не знал, свое или чужое
Волнение он нам передает.

Как птицы, думы ввысь взлетают косо,
Чтоб сесть опять, когда придет пора.
Напев, быть может, обращен к березе,
К той, из которой сделана домбра?

Но, в звуках ощущая
Привкус меда,
Ты веришь в то, что назван он «Балдыз»*.
Да, шутка, грусть и красота народа
В мелодии причудливо сплелись.

Так думал я, мурлыча безголосо
Живые такты музыки степной.
И вот другая красная береза,
Как в сказке, поднялась передо мной.

2

Аул невзрачен. Юрты стынут немо,
Своей тоски не в силах превозмочь.
Они не гуще звезд в открытом небе,
Не реже их — в нахмуренную ночь.

Здесь знать не знают
Ни озер, ни птицы.
Здесь о садах не думают вовек.
Здесь лишь с одним желанием —
напиться!—
Идут к колодцу скот и человек.

Здесь не приткнуться перекати-полю.
Здесь режут скот.
Здесь щиплет скот ковыль.

* Балдыз — свояченица.

Аул, как будто к жерди, поневоле
К березе приторачивает пыль.

Хранит кору березы от скотины
Глубокий ров в груди сухой земли.
Строения из дерна да из глины
Ютятся беззащитно невдали.

Опалена и стариной, и новью,
И солнцем от зари и до зари,
Стоит береза:
Тронь — и алой кровью,
Сдается, соки брызнут изнутри.

Держась повыше, ветки смотрят в дали,
А ствол — девичьей талии стройней.
Сучки тверды — как будто струйки стали
Вошли в березу и застыли в ней.

Когда впервые горько и сурово
Открылся ей немеряный размах?
И кто ее в степи, как часового,
Поставил — человек или аллах?

Скакун над рвом не заносил копыта.
Мулла с собою ветки не унес.
Здесь даже подрастающим джигитам
На прутиках скакать не довелось.

Блюла обычай древния сторонка,
Не сторожа березу на ветру...
И лишь для одаренного ребенка
Срезалась ветвь на звонкую домбру.

Но надо было
Проиграть немало
Старинных кюев в дремлющей тиши,

Чтоб вынесли сужденье аксакалы
Перед народом: «Истинный кюйши!»

Не ведаю, откуда вдруг берется
Традиция, чтоб продолжаться впредь.
Но знаю, домбры из простой березы,
Чуть их касались — начинали петь!

Аул сквозь время нес свое звучанье,
Была окрест
Молва о нем слышна.
На певческих стихийных состязаньях
Тут меркли и всходили имена.

Тут изливались тайны и печали.
Легко и робко трогая кору,
Тут до утра влюбленные молчали,
Чтоб в путь отсюда выйти поутру.

А нас Курмангазы пленял размахом:
В сорок четвертом,
В предпобедный срок,
Влюбленных в песню нескольких казахов
Свел ненадолго летний Белосток.

Тоска по песне головы кружила.
Нашлись дела ножу и топору —
И натянули мы бараны жилы
На тут же смастеренную домбру.

Хоть рев войны докатывался тяжко,
Поэт Хамит решился той порой
К стене приставить боевую шашку,
Чтоб самому склониться над домбрай.

И представляя, как умолкнут грозы,
Под теплым взглядом польки молодой

Вдруг заиграл он «Красную березу»—
Так скачут козы горною грядой.

И как-то легче сделалось солдату
От звуков, рвавшихся из-под руки.
Была домбра похожа на лопату —
Но вспомнили березу степняки.

3

Как в небе звезд — домов в ауле новом.
Развеял мрак былого, словно дым,
Аул стал соловиным,
Стал садовым,
Стал белостенным, песенным, живым.

Домбра не просто в каждой юрте стынет —
Домбра с любою связана судьбой.
А где росла одна береза — ныне
Послевоенный парк шумит листвой.

Там и закат приветствуют деревья
И наступленье утренней поры.
Там на одном из пней —
Большом и древнем —
Строг и отчетлив барельеф домбры.

Пень — монумент напевам стоголосым,
Большого сада маленькая часть.
Какой напор могучую березу
Заставил в травы некогда упасть?

Нет, нет, не годы дерево согнули,
Но знайное дыхание степей.
Талантов поприбавилось в ауле —
На дереве убавилось ветвей...

Еще о том я слышал, что когда-то
(Искусство, мол, и мужество равны!)
Вручалась ветка каждому солдату,
С победою пришедшему с войны.

А был любой побег
Началом песни,
Готовый вольно вырваться в зенит.
Как матери не радоваться, если
Вокруг семья счастливая шумит.

Шумит, в листве накапливая росы,
Готова к встречам с новыми койши.
Не зря в ауле Красная Береза
Тепло душе и песне от души.

То в плавности,
То в страстных переборах
Мотивы счета не ведут часам.
И внемлют бесконечные просторы
Несущимся из парка голосам.

И мнится, сам Курмангазы в волненье,
Сойдя с недостижимой высоты,
Благословляет степь, людей, цветенье —
Свои осуществленные мечты.

А я иду, мурлыча безголосо,
И верный слух за все благодарю.
Пусть над аулом Красная Береза
Напев листвы приветствует зарю:

Крас-на-я бе-ре-за! Крас-на-я бе-ре-за!
Вехой ты видна из края в край.
Из листвы осенней светит ствол белесо.
Ха-ля-ля! Ля-ля-ляй!

ЖЕНЕШЕ

Здравствуй, юности надежда!
Ты грустна — и потому
Дай-ка я тебя, как прежде,
По-сыновьи обниму.

Женеше*, в былые сроки
Я с тобою рядом рос.
Ты одна из двух
Далеких,
Двух любимых мною лоз.

Рано стариться нам, право,
В этой жизненной пурге.
Улыбнись же вновь лукаво,
Наша славная женге.

Обмануть судьбу нет мочи:
Вон и проседь в волосах.
Меньше солнца,
Больше ночи
Вижу я в твоих глазах.

Шутки вытеснила старость.
А от прежней красоты
На лице твоем остались
Только тусклые черты.

Но упрямая память взгляда...
Мы к тебе сто раз на дню
Добираться были рады,
Хоть шагая по огню.

* Женеше (женге) — жена старшего брата, обычно содействующая деверю в его сердечных делах.

Мы с тобой косили сено,
Стерегли в ночи овец.
Знали:
Словом сокровенным
Успокоишь под конец.

Улыбался нашим песням
Даже тот, кто был суров.
Ты казалась всех чудесней
В суматохе вечеров.

Ты была ключом от чуда,
Ты смыкала две руки.
И вокруг тебя
Повсюду
Мы вились, как мотыльки.

Что ж ты смотришь
Так уныло
И не скажешь ничего?..
Знать, характер твой сломило
Сиротливое вдовство.

Та же степь,
Да сны не те же...
Перед мертвыми в долгу
Чем же я тебя утешить,
Женеше моя, смогу?

Ну, заплачь — прибудут силы,
Зарыдай
Под стать пурге.
Или ты меня забыла,
Незабвенная женге?..

Расскажи про все обиды.
Ах, в тебе на этот раз
Я, как в зеркале, увидел
Самого себя сейчас.

Всё я понял:
Взгляд глубокий
Мне ответил на вопрос.

Ты одна из двух
Далеких,
Двух любимых мною лоз.

ТРУБЫ

Мчит состав, как само воплощенье
Сокровеннейших мыслей земли.
И отары бредут в отдаленье —
Словно к травам они приросли.

На верблюдов в окно погляди-ка!
Расстоянье уменьшило их.
И горбы — точно горные пики,
Над раздольем просторов степных.

Трубы тянутся к синему своду.
О, степная
Моя сторона —
Вслед за трубами новых заводов
Поднимается ввысь и она.

Видишь, пламя у труб то и дело
Проявляет строптивости дух.
Дым струится то черный, то белый,
Словно ветром тревожимый пух.

И припомнились давние годы:
В том kraю, что с войны знаменит,
Погибали дома и заводы —
Трубы грозно смотрели в зенит.

Над немыми руинами зданий
Коротая печальные дни,
Как свидетели бед и страданий,
Одиночко стояли они.

Как сегодня об этом расскажешь?
Охраняли пожарищ следы

Черных стражей,
Обугленных стражей
Уходящие в дали ряды.

Обнимали мы трубы смущенно,
Как спасенных от плена родных.
И свои боевые знамена,
Помолчав, водружали на них.

Мы смотрели на них, узнавая
В прах обрушенные города.
Мы смотрели на них, узнавая,
Как страдала Отчизна тогда.

Но настали спокойные годы —
И в ряду наступивших чудес
Крыши зданий и трубы заводов
Богатырски коснулись небес.

Раньше в трубах
Лишь пламя да сажу
Отмечал мой ревнительный взгляд.
Ныне вспомню былое — и стражи
На руинах священно стоят!

Эта тайна себя не раскрыла,
И вопросы всплывают на миг:
Трубы — в чем их волшебная сила?
В чем гарантия стойкости их?

Степи
С небом ведя на сближенье,
Снова трубы мелькают вдали.
Поезд мчит, как само воплощенье
Сокровеннейших мыслей земли.

БАЛЛАДА О МАТЕРИ

Я слышал, все сравненья не в новинку
Ей были — с чем же я ее сравню?
К ней все сердца клонились.
Так травинки
Под ветром сами клонятся к огню.

Я слышал, что джигиты без успеха
Вздыхали вслед красавице такой.
Ночами сна лишилась, днями смеха
Теряли речь, беспечность и покой.

Я слышал, юрту старую тревожа,
Калым сулил ей тот, кто именит.
Но девушка сказала:
«Станет все же
Мне мужем не богатство, а джигит!»

Я слышал, в песнях восхвалялась с пылом
Жена, нежней которой не найти:
Пять сыновей она в дому растила,
Едва достигнув двадцати пяти.

Все лучшее, что женщинам присуще,
Казалось, воплотилось в ней одной.
И мать ласкала сыновей, а мужа
Сердечно называла: «Мой родной».

Но счастье —
Это ветреная птица:
То улетает,
То вблизи садится.
Но счастье — как зима:
То выногой жмет,

То согревает робкими лучами.
Пришла война.
И женщина в печали:
«Прощай!»—
Шептала ночи напролет.

И шестерых мужчин в дому не стало.
Но женщина в слезах не билась шало,
А тайные рыдания ее
Подушка до рассвета приглушала.

Мать пятерых солдат, жена солдата,
Чтоб прежней
Твердость сохранить свою,
То за кетмень бралась, то за лопату,
То поднимала тяжкую бадью.

Седою стала, щедро тратя силы
В нелегкую военную страду.
К ней черная бумага* приходила
Шесть раз — но мать не верила в беду.

Сынов сзывала каждую минуту
И мужа окликала: «Мой родной!»
Так и живет она.
Знать, потому-то,
Как матерью, мы дорожим страной!

Так и живет.
Рожденьями богаты
Теперешние семьи там и тут.
И не случайно многие ребята
Ее сердечно бабушкой зовут.

* Извещение о гибели, «похоронка».

В ее дому приветливо от гула:
Гостей встречает радостно она.
Она им — мать.
И носит пол-аула
Ее сынов погибших имена.

Родился мальчик где-нибудь — и снова
Ее глаза чуть-чуть увлажнены:
Он имя получил «ее родного»—
Солдата, не пришедшего с войны.

Признательность такая трижды свята.
И не молитвы шепчет в забытьи
Мать перед сном, а лишь:
«Мои ягнята!
Родной мой! Верблюжата вы мои».

МОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Мое поколенье за время в ответе,
За цель, что намечена
Каждой судьбе.
Не зря мы полвека живем на планете
В учебе, в походах, в труде и в борьбе.

Но есть среди нас и погибшие рано,
Чей след в этом мире — заметнейший след,
Кто в землю ушел, возвышая курганы,
В свои восемнадцать каких-нибудь лет.

И там, где вскипали сражения грозно,
Где ветер взметал над могилами прах,
Застыли ребята в граните и в бронзе
На шумных проспектах и на площадях.

Их слава — в веках раздвигает границы.
В моем поколенье, правам вопреки,
Мужчина, как женщина,
Может смутиться,
А женщина часто смела по-мужски.

Страна воспевает мое поколенье.
Бывает в нем, счастью и горю открыт,
Мужчина, как женщина, полон терпенья,
А женщина пламенна, словно джигит.

Мои одногодки порою иною
Без хлеба — о крыльях мечтали с утра.
Их лица смуглы от мороза и зноя,
В их прядях — возвышенный блеск серебра.

Встречают их лучшие залы Отчизны,
И жалоб не слыши в трагический миг,

Все чаще друзей
Вырывают из жизни
Не годы — лишенья походов былых.

Заслышав протезы, скрипящие грубо,
Не надо надламывать в жалости бровь.
Застонёт от боли герой —
Так сквозь зубы,
Споткнется — так сам и поднимется вновь.

Редеет наш строй, хоть пока на планете
Не все еще сделано и решено.
И вот остаются и вдовы, и дети,
И рюмки, в которых темнеет вино...

Вздыхать ли над внуками нам, пригорю-
нясь?

Свободой страны, прямизною строки
В тебе мы клоочем, о новая юность,
Как вы продолжались в нас, о старики!

Врагов разгромив,
Мы ходили в сраженья
За свет в отношениях между людьми.
Встань, сын мой, и перед моим поколением
Склоняясь признательно, шапку сними!

СТАРОЕ ФОТО

Оно на мир
С ковра взирает немо
Залогом встречей, мечтаний и разлук.
На фото недвижим под сенью шлема
Решителен и юн — замполитрук.

Четыре треугольника в петлице —
Как молодости лучшие черты.
Короче, вот еще, как говорится,
Глашатай комиссарской правоты!

Возникло фото старое, не скрою,
Не в дни боев — за месяц до войны.
Но мой сынишка Азамат порою
Подолгу не отходит от стены.

Кого отец напоминал когда-то
Тревожным выражением лица?
И чудится, наверно, Азамату,
Что он во всем походит на отца.

Неярким фото
Жизнь моя согрета:
Ведь и сегодня придает мне сил
Сознание того, что шлем вот этот
Меня с семьей буденновцев сроднил.

ВСЕ В ПАМЯТИ

1

Хоть год богат счастливым наполненьем,
Не пощадит он молодости цвет.

Коль для истории и век — мгновенье,
Что для нее всего лишь тридцать лет?

И видно, как состарились с годами
Мы, побывавшие на той войне.

Но степь, гордясь осенними плодами,
Не сожалеет о своей весне.

Герои нынешних великих буден,
Мы знаем, нашим подвигам верны.
Не будет после нас — и пусть не будет! —
Свидетелей жестокой той войны.

2

Все в памяти.

Был день исполнен света,
Цветами, солицем, взглядами горя,
Мы праздновали твой приход, Победа.
И славил мир отчизну Октября.

Друзья не вытирали слез счастливых.
И в том нераннем, помнится, часу
Впервые орудийные разрывы
С трав не сбивали свежую росу.

Металл лишился грозного полета,
Напев смертельный пули отсвистели.
Казалось, вдруг остались без работы
Солдаты в окровавленных шинелях.

В сердцах бездумно клокотала радость,
Как бы твердя: «Покончено с войной!»

И мы вокруг смущенно озирались,
Оглушены внезапной тишиной.

Победа — нелегко ее рожденье.
Но твердо веря в то, что победим,
Мы лишь во имя этого мгновенья
Четыре года шли сквозь кровь и дым.

А сколько сел и городов в руинах —
Ни кистью передать, ни языком.
Но вот знамена наши над Берлином
Трепещут под весенним ветерком.

А сколько потеряли мы героев?
На скольких вдовах траур, точно мгла?
Сироты в доме каждом — как такое
Простить бы ты, История, смогла?

В полях трудились женщины да дети.
Они же становились за станки.
Свои тулуны — в думах о победе —
На фронт пересыпали старики.

В ту пору мы, Отчизна, устояли,
Себя от испытаний не тая.
Скажи мне,
Из какой особой стали
И дочери твои, и сыновья?

В те дни, когда беда не знала меры,
Когда от стонов в жилах стыла кровь,
Какой источник дал тебе и веру,
И мужество, и мудрость, и любовь?

Кто сердцем глух,
Над тем не властна песня.
Кто слеп душой — далек от красоты.

А кто бы спас людей от рабства, если б,
Страна моя советская, не ты?

И вот в ножнах клинок, летевший косо.
Фашизм повержен. Прояснилась даль.
И жаждет век ответа на вопросы
О тех, кто был надежнее, чем сталь.

Большевики — дела их в мире святы:
Недаром были в пору торжества
Обращены к советскому солдату
Все взоры, все цветы и все слова.

3

Хоть год богат счастливым наполненьем,
Не пощадит он молодости цвет.
Коль для истории и век — мгновенье,
Что для нее всего лишь тридцать лет?

Но мы-то сами в это время все же
Орлами пролетали в вышине.
Фронтовикам и тем, кто помоложе,
Не позабыть погибших на войне.

Мы сами направляли наши годы
Не допуская горя, стонов, тьмы.
И светлый Мир, и гордая Свобода
Рассчитывают на таких, как мы.

Все в памяти.
Был день исполнен света,
Цветами, солнцем, взглядами горя.
С победой, край родимый мой!
С победой,
Великая отчизна Октября!

СЛОВО К ЖИВЫМ

Монолог погибшего

Живые —

В чьих сердцах и свет и песни!
Живые — граждане своей Земли!

Живые —

Те, с кем мы когда-то вместе
На смерть
Сквозь пламя и страданья шли!

Живые —

Те, кто рад бывает детям,
Кто слезы льет —
Несчастней всех на свете,
Когда от смерти близких не спасти...

Живые —

Те, кто как сама природа,
Работает бессменно год от года,
Те, перед кем неторные пути.

Живые —

До сих пор открыты взгляду
И вы и дни, похожие на сны.
Я — память о далеком Сорок Пятом —
По праву неизвестного солдата
К вам обращаюсь в пору тишины.

Победный день!

Он весь не потому ли,
Казалось, был из света сотворен.
И я, как будто в мирном карауле,
Стоял себе, не ожидая пули,
Которой из засады был сражен.

Я падал, падал.

Трепетен и звонок

Напев в моих ушах смыкал круги.
И материнский голос:
«Мой ягненок!»
И горькое стенанье сыбызги*.

Вдруг пламенем лицо мне опалило.
И сладкое, желанное до слез,
Целительное слово — слово «милый»
Из сыбызги до слуха донеслось.

«Мой милый...»
Я дышал неровно, тяжко...
В признаньях не легка и не смела,
Ты даже в письмах, юная казашка,
Меня ни разу так не назвала.

Вот занавес.
Вот он исчез как не был.
Рыдает вновь казашка-сыбызги.
На грудь мне рушится немое небо,
Неся роями звезды-светляки.

Но, может, то не звезды,
А в прощанье
Глаза друзей, над воином склоненных:
Ведь я губами чувствую касанье
Каких-то капель, жарких и соленых...

А вот и мать лицо мое
Поспешно
Косынкой прикрывает в тишине.
Напев верблюдицею безутешной,
Колебля траур, плачет обо мне.

* Сыбызги — народный музыкальный инструмент.

И тем дыханьем, что слабее слабых,
Последний миг мне встретить привелось.
И ветром доносило
Тонкий запах —
Цветов или девических волос?

Последний миг щедрей иных, однако:
Кольцо на пальце — золотой кружок...
В глазах багряный цвет
Степного мака —
Как тот прощально машущий платок...

Да многое мелькнуло перед взором,
Уже открытым для кромешной мглы.
Но вот глухая ночь сомкнула шторы —
И рухнула чинара со скалы...

Когда случались бури без пожаров,
И есть ли сожалениям предел?
Старик умрет —
Еще бы жил, пожалуй...
Юнец умрет —
Пожить-то не успел...

Там мать с отцом свалило вестью лютой,
А тут вдова рыдает до восхода.
Как обо мне тужили?
Пал в минуту,
К которой сам, мол, шел четыре года?

Да, жалко было уходить из жизни,
Когда я сам поверил: не умру!
Когда я зорями своей Отчизны
Мечтал налюбоваться поутру.

В лугах зеленых поваляться мне бы,
Женитьбою порадовать бы мать.
Внимать степным бы песням.
Звезды в небе
Ночами бы безлунными считать!

Мир рисовало мне воображенье:
Большие города. Леса в тиши.
Достаток. Радость. Славные свершенья.
И — ангельски девчонки хороши.

И я в одной-единственной заботе
Баюкал сокровенную мечту:
Уже тогда я думал о работе,
Не зная, что обратно не приду.

Когда вперед рвались фашисты слепо,
Когда они хлеба и рощи жгли,
Вздыхал я:
«Хоть клочок увидеть мне бы
Освобожденной от врага земли!»

И вот сбылись заветные надежды:
Мы разгромили тех,
Кто шел на нас.
Моя страна свободна,
Как и прежде,
Народ советский
Всю Европу спас.

Тот о самом себе вздохнет едва ли,
Кто дошагал до вражьей стороны:
В жизнь верили и те,

Что погибали
Еще в начале грянувшей войны.

(Понятно, боль, страданья и тревоги
Приносит гибель множества людей...)
Но гордые победные дороги
Как раз и начинались с тех смертей.

Остался ли в живых я в Сорок Пятом?
Тот вечно жив, кто пал в счастливый миг.
Ты сделал, мой народ,
Меня солдатом —
И я твоим доверием велик.

Лишь те герои, кто судьбу народа
Своей считают в пору тяжких лет.
Живые!
Завещаем вам свободу,
Отчизну и наследственность побед!

Вам завещаем человечность, страсти,
Любовь, которых сами лишены.
Пусть ваши внуки радуются счастью,
Спасенному навеки от войны.

Живые!
И с годами, скажем честно,
Не вправе вы героев забывать.
Поверит в гибель жениха невеста —
Но в гибель сына не поверит мать.

И пусть она ночами спит вполглаза,
Пусть вспоминает в продолженье дней
Мои словечки, детские проказы
И верит в чудо: сын вернется к ней.

Чтоб ведать нам —
Мы памятью согреты,—
Наедине или в кругу живых
Вы лишний раз вздохните над букетом,
На стройке проведите лишний миг.

Вы лишние часок или минуту
Помешкайте и в поле, и в саду.
Пусть наши песни ввысь уходят круто,
Пусть всюду ценят веру в доброту!

Живые!
Да не ведать вам недуга!
Да будет только к свету ваш маршрут!
Планета — хрупкий дом наш.
Но друг друга
Сердца без переводчиков поймут.

Чужие беды не судите строго,
Не хмурьтесь,
Зависть в душах поселя.
Пусть вечно Человека чтит за бога
Трудом перерожденная Земля!

Что от тебя, читатель мой, я скрою?
Во сне я слышал этот монолог.
А наяву за павшего героя
Лишь долг живущих говорить бы смог.

Но разве мы погибших забывали?
Они повсюду с нами там и тут
Работают, одолевают дали,
Встречают зори ясные — живут.

Живут незримо с каждым по соседству
В том гуле строек,

Что простор донес.
Живут, живут в любом ударе сердца,
И в детском смехе, и в листве берез.

Живут в крылах, чей вымах занебесен,
Живут, грядущих лет наметив ряд.
Живут в названьях городов и песен,
В строю героев нынешних стоят.

Они — и памятник гранитный этот,
И светлый дождь, и молний излом.
И среди тех,
Кто празднует победу,
Они за нашим дружеским столом.

ГЛОБУС

Кем был он прислан — в прошлом утонуло.
Но помню, как усталые, в пыли
Сходились в школу жители аула,
Чтобы взглянуть на «копию Земли».

И вот учитель лысоват, тщедущен,
Хранивший дома «копию» не зря,
Степенно пояснял:
— Вот это — суша!
А это — океаны и моря!

Он нам светил.
И хоть в него за это
Враги стреляли в полуночной мгле,
Учитель отвечал за всю планету —
Не за один лишь глобус на столе.

— Земля кругла, но стать она не может
Ничьей игрушкой! — слышались слова.
Учитель! Не на глобус ли похожа
Была его большая голова?!

Проплещины — моря и океаны,
А суша — клочья реденьких волос.
Морщины на лице — меридианы,
А шея на плечах — земная ось.

Старик был скор на точные ответы,
Как юноша, легко ронял слова.
Теперь уже не глобусом — планетой
Казалась мне большая голова.

Он называл нам множество событий,
Стихами перемешивая речь.

Он нам твердил:
— Ребята, не шалите!
Ребята, нужно глобус свой беречь!

За годом мчался год.
И стран немало
Объездив в ритме новых скоростей,
Вот этой фразой — чуть пора настала —
Я в школу провожал своих детей.

Земля от наших глаз себя не прячет.
В крови, в поту людей ее лицо.
Так не швыряй планету, словно мячик,
И не сжимай, как хрупкое яйцо.

Пусть смотрит небо на твою обитель!
А я знакомый голос узнаю —
И строг со мною первый мой учитель,
Как будто я на глобусе стою:

— Еще немало прогремит событий,
С Луной, с Венерой будет много встреч.
Но осторожно, люди!
Не шалите,
Чтобы планету-глобус уберечь!

ВЕРЮ В ЛЮДЕЙ

Не малость, а сполна
Познал я в детстве голод.
И в юрте чабана
Меня баюкал холод.

Но к детству
Сквозь года
Не обращаю упрека:
Мне не было тогда
На свете одиноко.

Хоть отпускалось зла
Тогда мне щедрой мерой.
Вперед меня вела
В людей святая вера.

И в самый трудный миг,
И ночью самой вьюжной
Я верил братству их,
Любви их, ласке, дружбе.

Когда ревел металл,
Я в скорби и тревогах
Поддержку ощущал
На фронтовых дорогах.

Страшна и ныне
Сплошь
Безлюдная округа:
Без воздуха умрешь
Не раньше, чем без друга.

Я с тем делаюсь всегда
Удачей, горем, счастьем,

Кто зной и холода
Делил со мною часто;

С кем я порою мог
Забыть про все тревоги...
Без веры — и у строк
Ни жизни, ни дороги.

КАЗАХСКИЙ ЯЗЫК

В веках кочуя кто куда
Степной немеряной окружой,
Когда-то близкие рода
Все отдалялись
Друг от друга.

И города, и цепи гор
Здесь становились
Горсткой пыли.
Пестро врывааясь на простор,
Захватчики в степях сорили.

Да, разобщенность тех веков
Могла, замучивая слово,
Рождать и десять языков
От языка-первоосновы.

Гнала рода по сторонам,
Лишала жузы
Общей цели —
И те, подобно табунам,
Брели куда глаза глядели.

Хоть голова цела едва,
Ее ли
Руки защищали?
Но разве знала голова,
Что волки за ноги хватали?

С пришельцем — бой,
С соседом — бой.
И люди, не щадя усилий,
Жилье делили меж собой
И даже матерей делили.

Делили скот в победный миг,
Делили
Душ разъятых части.
И только наш родной язык —
Он не был дележу подвластен.

Не поддавался дележу,
С любым владычеством рассорясь.
Не поддавался дележу,
Как правда,
Солнце или совесть.

Не поддавался дележу
И в черные, что уголь, годы:
«Я общий.
Я принадлежу,
Как жизнь и смерть, всему народу».

Собрать, как будто зерна, смог
Он множество сердец казахских.
И победителем эпох
В конечном счете оказался.

Не истощался в старину,
Какое б ни давило бремя.
В себе морскую глубину
Он сохраняет в наше время.

Он нужен сам
Морям иным.
И в мире сыщутся едва ли
Не постигаемые им
Заботы, мысли или дали.

Кто превзошел наверняка
Язык в его омоложенье?

Какая древняя река
Похвалится таким теченьем!

Но понимающий других
Язык наш не застыл уныло.
«Гордись,— внушиает наш язык,—
Коль многое тебе под силу!»

Постыдно сыном слыть того,
С кем ты душой не слился вместе.
Язык наш!
Пусть живут его
Во мне слова, понятья, песни.

Цвет кожи и лица черты —
Быть узнанным по ним не ново.
Земля!
Меня узнаешь ты
По действиям без суеты
И звукам языка родного!

ОБ ИСТОРИИ

Я школьником учил ее с охотой.
И мне казалось у былой черты:
Она — сплошные джунгли у кого-то,
А у казахов — редкие кусты.

Не пресыщаясь ей в родной сторонке,
Я, схватывая знанья на лету,
Сам ощущал: сижу на жеребенке,
Ногами попирая пустоту.

Но пробуждалась степь!
И, словно вторя ей,
Вставали люди, зори, цепи гор.
Оценивалось новою историей
Забытое, казалось, до сих пор.

И хоть порой
Случалось нам на деле
За год уйти вперед на целый век,
Мы зорко во вчерашнее глядели,
Не отрывались от минувших вех.

Спасибо, жизни!
Мы сами заполняли
Достойными делами пустоту:
Теперь, уча историю, едва ли,
Как прежде, схватишь знанья на лету.

Она теперь не кустики, а чаща,
В которой светлый разум не заглох:
Ведь сколько нужно мыслей настоящих,
Чтобы постичь превратности эпох!

Вражда и ханы. Холода и страхи.
Грабеж и безнаказанность властей.
И дня не жили древние казахи
Вне общечеловеческих страстей.

Нас покидали свет, надежда, сила.
Но мудрость степняков брала свое,
И мы вздыхали:
«Мертвому — могила,
Живущему — просторное жилье!»

Мы день за днем вбирали мудрость эту,
В грядущее разматывая нить.
И ты, историк, словно бы комету,
Мечтаешь факт неведомый открыть.

Но делают открытия не по плану,
Хоть и не ждут,
Чтоб просто повезло.
И ты копаешь древние курганы,
Архивной пылью дышишь тяжело.

Нехоженые тропы
Для отважных —
Одолевай их, весел или хмур.
У нас, коль гуси Рим спасли однажды,
Ты не ищи на них похожих кур.

Коль были где-то умные владыки,
Не находи нам хана-мудреца.
Соседствуя в степи со зверем диким,
Конечно, света жаждали сердца.

Я верю, деды бились в тучах пыли —
Не верю в их счастливые края.

Я верю, деды нашу степь любили,
Но не поверю, что сильней, чем я.

Я верю в наши смелые дороги,
Но я не верю в избранность народа,
Не верю, что степняк слабей кого-то,
А верю, на него равнялись боги..

Я верю, к разным землям прикасался
Великий гений солнечной степи.
И я не верю,
Что тымак* казахский
Единственно к лицу аль-Фараби!

История — не род обогащенья,
И каждый век — не внук ее, так сын.
История — дорог переплетенье,
Подножий, перевалов и вершин.

История — грядущего разведка,
И флаг ее над нынешним постом.
Она потомка с отдаленным предком
Соединяет сказочным мостом.

Мостом,
Который на пути к победам
В цвета слепящей радуги одет.
Которому противен, хоть и ведом,
Цвет грубого насилья — черный цвет.

Что есть, то есть.
Горой не делай крохи,
Не смешивай в одно огонь и лед.

* Тымак — шапка,

Не полагай, что правдой об эпохе
Вдруг с веком век история столкнет.

Живу я в днях сегодняшних, которыми
Оценено и прошлое житье,
Живу я современником истории
И рядовым создателем ее.

СМЕРТЬ МЕДНОГО КОГТА

Баллада

Мутней туман. Слабей усилия.
И пулей Медный Коготь впредь
На дряхлых и тяжелых крыльях
Не сможет в небе просвистеть.

И колпачок из грубой кожи
Лежит без дела в стороне.
Но день и ночь одно и то же
Тревожит беркута во сне.

Одно дремоту затмевает:
Все замечая на лету,
Он черной молнией взмывает
С луки седельной — в высоту.

Внизу —
Расщелин горных знаки
И степь, впитавшая лучи:
Точь-в-точь седло на аргамаке,
Седло под гибким беркутчи!

Внизу лиса к норе несется,
Волк прижимается к траве,
А беркут — родинка на солнце —
Почти недвижен в синеве.

Сейчас он камнем устремится
К простору
В смерчах и лучах.
И только красные лисицы
Протяжно вскинутся в очах...

Но длится миг оцепененья,
Осталось небо за чертой...
— О-ах! — звучит как сожаленье,
Как вздох прощания с мечтой.

Нет, под крылом
Не гор величье,
Не набранная высота...
И слепнет беркут в клетке птичьей
От слез, от пут и от стыда.

Он наблюдает в сонной грустя
За тем, как хвалится петух
И как еду из клетки суслик
Ворует, нагл и толстобрюх.

Мир тонет словно бы в угаре.
Вдруг беркут, набираясь сил,
Крылами стылыми ударил
И клич забытый обронил.

А значит,
Срок пришел проститься
С тобою, благостный покой.
И отвязал хозяин птицу,
Знакомую с его рукой.

Да, Медный Коготь нынче летом
Свершил последний свой полет.
Все вспоминает он об этом,
Все медлит, все чего-то ждет.

Все смотрит в даль,
Словам не внимая.
И прежде, чем рвануться вверх,

Крылами хлопая о землю,
Он начинает свой разбег.

В себя и веря и не веря,
За взмахом совершаet взмах.
Он грозным кажется — и звери
Внизу испытывают страх.

Лисицы прячутся недаром,
И волк к земле припал сейчас.
Эх, если б это беркут старый
Увидеть мог еще хоть раз!

Эх, если б
Так сумел он взвиться,
Чтобы врага настичь опять.
Но тяжела одышка птицы,
И хрипа в легких не унять.

Полет не легок и не светел.
Но Медный Коготь горд и смел,
Спеша, наметил цель — и ветер
Под грудью остро засвистел.

Быть может, беркут
Рад разбиться,
Кончины чувствуя канун?
А может, счел он вдруг лисицей
Внизу желтеющий валун?..

Но трясся враг дневной порою!
И беркута в степном краю
Похоронили, как героя,
Бесстрашно павшего в бою.

* * *

Свет, пламя и вода.
По их маршрутам
Жизнь торопилась в счастье и в беде.
Но человек и сам замешан круто
На пламени, на свете, на воде!

Из века в век питают море реки —
Так подвигам дано народ питать.
Клокочет пламя в сердце человека —
И каждый может Прометеем стать.

Есть взоры, что исполнены привета.
А есть — непонимания и зла.
Глаза людские — вот источник света,
А значит, и целебного тепла.

Не знала наша мысль пересыханий,
Связя время, как живая нить,
Как бег воды.
Недаром жажду знаний
Лишь только ю можно утолить.

Смешались в людях три стихии эти,
Из нас самих — грядущих нас лепя.
А значит, жизнь на нынешней планете,
О человек, зависит от тебя!

ГОДЫ

О, годы!
То как в забытьи
Песком текут они жестоко,
То трудятся, как муравьи,
То все сметают, как потоки.

И, глядя на окрестный мир,
Я славить время не устану:
Оно — великий ювелир —
Отшлифовало обезьяну.

Но иногда двадцатый век
И сам теряется уныло:
Она ли — падший человек?
Иль человек — прогресс гориллы?

Нет, мы горды своей судьбой.
Мы — люди, хоть не без изъяна.
Сейчас работать над собой
Не станет только обезьяна.

Но это шутки.
А всерьез —
В веках жила мечта о чуде.
И вот уже коснулись звезд
Сквозь время рвущиеся люди.

Да, человек разумно смог
Идти, спешить, лететь сквозь годы.
И человек сегодня — бог
Живой и неживой природы.

Знаком он с гибелью самой
И все ж признателен за это

Жаре, валившей с ног зимой,
И стуже, сковывавшей летом.

Когда б не те уроки зла,
Смогли мы оценить едва ли
И садоводские дела,
И хлеборобские печали.

То ожидание беды.
То свежий ветерок удачи.
Спасибо, годы, за труды
Сердец, умов и рук горящих!

Спасибо, годы, за полет,
За невозвратные усилия!
Тоска и сокола берет,
Когда уже слабеют крылья...

И вряд ли время породнит
Живое творчество с разрухой,
Хоть станет стариком джигит,
Красавица — седой старухой...

Вот так
За годом год мелькал,
Чтоб дать дорогу обезьяне.
Стирает время гребни скал,
Чтоб снова вскинуть их в тумане!

СПАСИБО ВАМ, МЕЧТЫ МОИ

Коль стрелок я,
Вы — блестящие монеты
На шестах передо мною.
Вижу в срок я,
Как взмываете вы к свету,
Наполняясь вышиною.

Коль ветряк я,
Вы — мои большие крылья
Под родными небесами.
Коль корабль я,
Вы — шальных ветров усилия,
Принятые парусами.

Коль джигит я,
Обгоняете вы вести,
Мчась степями, как лисицы.
Вам открыт я:
Наяву прожить нам вместе
И во сне не разлучиться.

Коль цветок я,
Вы — густые ливни лета,
Утоляющие жажду.
За глоток я
Серебристой влаги этой —
Песней отзовусь однажды.

Ввысь ползти мне,
Вы — заснеженные скалы,
Вы — приют орлов могучих.
Вдаль брести мне,
Вы — полночных звезд кристаллы,
Млечный путь в небесных кручах.

Голос звонок —
Это жизнь зовет по праву:
«Смей, гори, страдай и ведай!
Лиши ребенок
Увлекается забавой,
Шалостью, а не победой!»

Знать вам цену —
Знать и помнить цену чуду,
Вечной жажде и размаху.
Неизменно
Будьте вы со мной повсюду,
Чтобы я без вас — ни шагу.

С вами вместе
Никогда не знать мне фальши.
Вы лихим конем смогли бы
Или песней
Вечно мчать меня все дальше...
Вам, мечты мои, спасибо!

О ЛОЗУНГАХ

Нет в лозунгах поэзии высокой?
Не для стихов призыва?
Да, увы,
Иные зарифмованные строки
Еще не жили, а уже мертвые.

Но лозунги ли виноваты в этом?
Друзей сближая, а врагов круша,
Не лозунги ли наполняли светом
Тебя, надежда, и тебя, душа?

«Даешь в четыре года пятилетку!»—
Народный клич взвивался до небес.
Достойно отражались в слове метком
Магнитогорск, Турксиб и ДнепроГЭС.

«За Родину!»— и в тучах злого дыма
Опять брала оружье мать-страна.
Вели нас в схватки имена любимых,
Вели друзей погибших имена.

А лозунг — это имя идеала,
Его величье и его полет.
Дашь нужный лозунг —
И верней металла
Он вражеские крепости возьмет!

Дашь нужный лозунг —
Не проскачешь мимо
Той цели, что невидима в ночи.
Есть лозунги — как пламя горячи,
Есть — словно женщины, неотразимы.

Но лучшим мыслям нет порою хода,
Когда не к месту треплют их в пути:
Избыток меда — устаешь от меда,
Избыток роста — в двери не войти.

Да, крикуны циничны и жестоки.
(Пускай их точат зуб и на меня!)
Но плохи поэтические строки
Без лозунга, а значит, без огня!

МЕЧТЫ

У голодного хлеб на примете,
У семьи соловьиной — сады.
Заблудившийся лишь о рассвете
Помышляет. Мечты и мечты.

Карьерист рассуждает о чине.
Хворый верует в лучшие дни.
Ливни бурные снятся пустыне.
Все мечты. Все они и они.

Юный славы и подвигов жаждет,
Мудрый — видеть счастливым народ.
В этом мире надеется каждый,
Каждый в мире мечтою живет.

Слабый
Смерть призывает поспешно,
Некрасивый — свою красоту.
Мелкий тешится мелкой надеждой,
Сильный верит в большую мечту.

То вдали она, то по соседству.
То желанием став неспроста,
Словно кровь, горячащая сердце,
В нас пульсирует наша мечта.

Наполняй бескрайние шири,
Пусть сбываются наши мечты
Так, чтоб больше мы
Видели в мире
Света, верности и красоты!

* * *

Без солнца утро не настанет снова,
Не будет силы у меня в плечах.
Из века в век
Судьбу всего живого
Проносит солнце на своих лучах.

Я славлю солнце!
Без тепла и света
Любые блага жизни не по мне.
И сердце — образец ли солнца это?
Иль солнце — образ сердца в вышине?

ТРУДОВОМУ КЛАССУ

Святые волнениями не согреты,
Но сила и слабости есть у меня.
Я смертный — недаром опорой планеты
Мне быть суждено до последнего дня.

Не каждый мой день вдохновенен на славу:
Случается, у раздраженья в плену
Могу я начальству
Прийтись не по нраву,
Друзей оскорбить и обидеть жену.

И все ж ни в большом и ни в малом
Ни разу
Я не изменил тебе, класс трудовой.
Недаром меня миллионами связей
Судьба моя соединяет с тобой.

К тебе — на земле или в небе глубоком —
Как росы, всегда мои чувства чисты:
Ведь мне воплощать, а не богу с пророком,
В дела — и надежды твои, и мечты.

СЛЁЗЫ

Во всем беды и радости смешенье:
Недаром в этом мире испокон
Есть плач, провозглашающий рожденье.
И плач в минуту скорбных похорон.

Мы слышим плач других,
Мы плачем сами,
И злясь, и торжествуя, и скорбя.
Вконец изводим мы себя слезами —
Слезами утешаем мы себя.

Но есть у слез особое уменье:
Способны слезы, не сходя с лица,
Железо плавить и дробить каменья,
Пьянить сердца и иссушать сердца!

Хоть больше, чем тоски или обиды,
И счастья, и любви достоин ты,
Плачь, человек:
В слезах твоих скрыты
Высокой человечности черты!

Пускай горит в беде,
Надежде внемля,
Окликнутая чувствами слеза.
Так и цветы, и ковыли, и землю
Вновь освежает чистая роса.

* * *

Календари сменились,
Но мчит за годом год.
Пластинки изменились,
Но молодость поет.

Все дальше с утром новым
Беспечные следы.
Все глуше с мраком новым
Знакомые сады.

Какие дали ближе
Душе в заветный миг?
Кто мне сегодня ближе —
Юнец или старик?

Не верю я возврату
К тебе, мой прежний пыл:
Не я тебя когда-то,
А ты меня забыл.

Поэт слышет ушедшим,
Коль он с тоской в крови
Во времени прошедшем
Вздыхает о любви.

И все ж «люблю» — как чудо,
«Любил» — в текучке дней.
«Горел» встречаешь всюду,
«Горю» найти трудней.

«Он» в деле слишком часто,
«Я» прячется в туман.
Винить ли мне в несчастьях
Свой дух, как тот шаман?

За мной дорог немало,
А новь зовет, строга!
Выводят к перевалу
Цветущие луга!

И рвется в наступленье
Поэзии поток.
К чему мне повторенье
Уже звучавших строк?

Стихи мои не тщатся
Знакомое постичь.
Вперед уводит счастье.
«Вперед!» — бросаю клич.

Я новых жду терзаний
Над ратью новых строк.
Жду трудных расстояний
От будущих дорог.

Хоть несколько бы строчек
Не повторить — создать.
Пусть станет шаг короче —
Лишь вел бы он не вспять!

И я спешу куда-то.
Но все длиннее тень...
Когда ж успел к закату
Склониться ясный день?

СЧАСТЬЕ

А счастье — это что?
От хвори исцеленье?
Сон, вверивший тебе на сказочность права?
Нет, счастья не объять таким определеньем,
Условием таким, как, скажем, дважды два!

Ведь счастье для одних в почетном долголетье,
А для других — в рублях из тех, что подлинней!
В растущих сыновьях и дочерях — для третьих,
А для меня — в смещенье солнца и теней!

Любое торжество беспечно лишь отчасти.
Хоть мне других винить в оглядке не дано,
Я лично сам за то,
Чтоб радоваться счастью,
Коль кровью и трудом заслужено оно.

Мы делимся с народом счастьем постоянно,
И снова нам народ его передает.
Так капли создают стихию океана,
А люди — мы твое могущество, народ!

* * *

Хоть сам соловей — этот символ искусства —
Всего только с пальц мой величиной,
Он будит во мне неуемное чувство
Мелодией, кажущейся неземной.

В садах, забывающих зимнюю стужу,
В садах, где цветущей весны торжество,
Певец изливает влюбленную душу —
Пусть даже никто и не слышит его.

Он счастлив и горд
Беззаботностью этой.
Хоть общих немало найдется примет,
Никак соловью не сравниться с поэтом:
Без внемлющих слову поэт — не поэт!

Чем больше ты нужен, тем больше удача,
Тем лучше тебя понимает народ.
То стынет поэт,
То смеется, то плачет,
То в пламени гибнет, пока он поет.

Не к богу — к поэту спешат обратиться,
Ища на вопрос вдохновенный ответ.
Нет, нет, соловью — удивительной птице
С тобою никак не сравниться, поэт!

* * *

Я днями не испытывал тревоги.
Но, различая дальние огни,
Платил ночами щедрые налоги
За беззаботно прожитые дни.

Я не был днем
Сомненьями источен.
Но, оттесия свет за перевал,
За вечерами наступали ночи —
И я от мыслей смутных уставал.

Я днями не испытывал печали,
Меня пьянили
Жизнь, любовь, цветы.
Да, стоило во имя дней ночами
Не спать во власти душной темноты!

Я днями не был слабым.
Но, однако,
Когда за тенью укрывался свет,
Случалось мне перед полночным мраком
Держать за дни минувшие ответ.

Я ночью мыслю, собираю силы,
Чтоб утром труд впустить в свое жилье.
Ночь для меня — готовые чернила,
А каждый новый день — перо мое!

* * *

О, как скор самолет, разрывающий тучи!
С ним сегодня и звук
Состязаться б не смог!
Но едва ли что-либо окажется лучше,
Чем движение с помощью собственных ног.

Ты постигнешь и книги, и звездные кручи.
За учителем следом пробьешься сквозь тьму,
Но едва ли что-либо окажется лучше,
Чем словечко в науке сказать самому.

Утомишься, отстанешь —
Поддержку получишь,
Потому что друзья не оставят в пути.
Но едва ли что-либо окажется лучше,
Чем осилить усталость и дальше пойти.

Как бывает отрадно подыскивать нити,
Создавая своими руками узор!
В этом мире даются тебе для открытый
И горячие губы, и пламенный взор.

Что оплатит твой долг
Перед целой вселенной?
Без борьбы и усилий себя не познать:
Можно определить совершенному цену,
Если сам ты плечо подставляешь под кладь.

Даже малый ребенок и тот понемножку
Семенит, сотни раз спотыкаясь на дню.
Он едва научился удерживать ложку,
А глядишь, уже тянет ручонку к огню.

Где дорога
К секретам людских ощущений?
В чем таится от горечи к сладости нить?
Надо по человечности дел и решений
О самом человеке пристрастно судить!

* * *

Мы очень непросты.
И оттого-то
В нас столько граней, как их ни тай!
Все знают про чужие недочеты —
Но многие ли знают про свои...

* * *

Хоть сто тюков тащи он неустанно,
Один из нас — еще не весь народ.
Так карлик и в одежде великана
За великана все же не сойдет.

* * *

Меня ли, критик,
Ты ослабишь рвеньем —
И родинка бывает украшеньем.
Коль худший из поэтов равен мне,
К чему мечтать о большем возвышеньи?

Меня ли, критик,
Ты ослабишь рвеньем —
И родинка бывает украшеньем.
Коль самый невезучий равен мне
Из всех певцов, — умру без сожаленья.

* * *

Судьбу я заклинаю жизнью всей:
Глаза и речь мне сохранить сумей!
А будут споры — так не с честью споры,
А ссоры — так не с женщинами ссоры!
А если враг — так хоть не из друзей!

ЗАВИСТНИКУ

Копаешь ты скрытые ямы,
Тайком заметаешь следы,
Все время
Темно и упрямо
Желая кому-то беды.

Кому-то желая провала
И в мыслях кого-то губя.
А тот не виновен нимало,
Что сердцем богаче тебя.

Какие, скажи,
Он напасти
Твоей уготовил судьбе?
Вдруг перехватил твое счастье
И не возвращает тебе?

Похитить сумел у природы
Тебе предназначенный дар,
Чтоб мозг твой сушили не годы,
А зависти душной угар?

Невзгоды его и кручины
Твое улучшают житье?
В болезнях его и кончине
Сокрыто бессмертье твое?

Бывает, что миг угасанья
Ценней продолжительных лет,
Когда, прерывая дыханье,
Зовут справедливость и свет.

А ты авторучку
Все чаще

К лихим привлекаешь делам.
В себе, словно мусорный ящик,
Хранишь бесполезнейший хлам.

В тебе озлобленье роится.
Ты в ранние годы свои
Вспоен молоком материнским
Иль ядом коварной змеи?

Таланты встречаются — плохо...
Счастливые всюду — беда...
Но к прошлому нашу эпоху
Ты не повернешь никогда.

Есть люди —
Опасны для мрака
Сердца их, светлее лучей.
Но есть и такие, однако,
Чья совесть темнее ночей.

Хотя и поменьше их стало,
Я знаю не со стороны
О том, что в природе шакалы
И те для чего-то нужны.

Зверинцы содержат отвека
Бесчисленных тварей земли.
Ты нужен там, чтоб человека
Принять за тебя не могли.

* * *

И солнца луч порой ложится косо.
Но я тепла душевного певец:
Ведь что там, право,
Зимние морозы,
Когда б не холодок иных сердец.

В какой тоске подчас ни окажись ты,
Взгляд дружеский
Ее развеет вмиг.
Одно лишь слово теплое — при жизни —
Нужнее монументов золотых,

* * *

Красивый. Мудрый. Искренний. Великий,
Введи слова такие в разговор,
Людей при жизни
Оцени без крика
И полюби, как братьев и сестер.

В чьей жизни нет обидных упущений?
Но честь и совесть в судьи призови:
Ведь после смерти
Не прочтет и гений
Печатное признание в любви!

ПЕШКА

Хоть ни в чем до поры
Не подаст он и виду,
Хоть играет он в шахматы смело, а все ж
Человек затает непростую обиду,
Если ты его пешкою вдруг назовешь.

Оскорбленье? Сведение счетов? Насмешка?
Но не стоит обиду таить про запас:
Королей горделивых негодная пешка
Защищает или низвергает подчас.

Королей ли одних!
Стены крепости хмуровой
Пешка в силах обрушить и в силах спасти.
Пешка сделаться может любою фигурой
На суровом и славном солдатском пути.

В чем величие званья простого солдата?
В том, что службу солдат терпеливо несет.
В том, что, даже нуждаясь,
Не примет он плату
За солдатскую храбрость, за кровь и за пот.

Пешка обороняется, ловит на мушку,
Наступает, играя солдатскую роль.
Пешка даже в игре — не пустая игрушка,
В чем не раз убеждался спесивый король.

Если б пешка порою ферзя не спасала,
Ферзь не раз и не два
Забирался в тупик,
Становясь удивительно слабым и малым
Из того, кто по сути силен и велик...

Тот грустит,
Тот рукой протестующе машет:
Признавать себя маленькими не хотят.
Но ведь был же солдатом прославленный
маршал!
Но ведь пешка и шах объявляет, и мат!

* * *

Люблю я дождь стремительный и шаткий,
Люблю смертельной скорости разгон.
Люблю того,
Кто, словно бы взрывчаткой,
Порывами и страстью начинен.

Ему скалу смахнуть, пожалуй, легче,
Чем от скалы в тиши податься вспять.
Пусть засвистят осколки:
Трусы в плечи
Давно успели голову вobратъ!..

* * *

Что ж, статья хороша, если я без заботы,
А соперник мой ходит, заботу кляня.
Критик — друг мне,
Коль он задевает кого-то,
Критик — недруг мне, если он метит в меня.

Нет, с тобой мы несхожи,
И это не странно:
Ты за правду, а я, получается, нет.
Ты суровому критику даришь тюльпаны —
Все колючки степи укрывает букет.

По спине ухитришься
Похлопать назавтра
Так, что тот на спине не уснет никогда.
Словом, горечь хлебает критический автор,
А тебе достается простая вода...

* * *

Ему талантов видимых не нужно:
Ведь он и так удачливей других.
Да и с людьми
Водить умеет дружбу,
Верней, не с ними — с должностями их.

ОДНОМУ КРИТИКУ

Не стоит и за труд научный браться,
Чтоб отличить талант от верхоглядства.
Как на батыров, я смотрю на тех,
Которые дипломами кичатся!

Конечно, в мир, как нечто дорогое,
Мысль выносить — деяние благое.
Но то, что написал я сам — одно,
А то, что приписал ты мне — другое.

Мне это и во сне не снилось, кстати.
Дивлюсь я прозорливости в собрате,
Хоть и не понимаю дум твоих
Ни тайных
И ни тех, что для печати!

* * *

Кто слаб и тих, завидует, наверно,
Тому, кто и силен,
И в драке крут.
Но конь всегда пасется против ветра—
По ветру овцы пастбищем бредут...

КРАТКИЕ РАЗДУМЬЯ

* * *

Проявите о прутиках заботу —
Потянутся березы к высоте.
И пусть уже не сами мы,
А кто-то
С годами удивится красоте.

* * *

Поверь,
От взглядов хмурых и колючих
Над белым светом не сгустится тьма.
Поверь,
Того не испугаешь тучей,
Кто слышал настоящие грома.

* * *

Бывает, кукушка
Все снова и снова
Себя окликает средь белого дня.
Бывает, в раскатах ослиного рева
Теряется гордое ржанье коня.

* * *

Лишь маленький аул я прежде знал
веками.
Потом — свой край.
Потом, лишась земных оков,
Я устремился ввысь, чтоб вскоре
земляками
Назвать народы всех шести материков.

* * *

Хоть мягкостью
Иных он привлекает,
О том мы помнить все-таки должны,
Что носит он за пазухою камень,
Готовясь им ударить со спины.

* * *

Писатель!..
Но словом большого полета
Любили себя и писцы величать.
Когда ты поймешь окончательно —
Кто ты,—
Считать себя можешь Сократу под стать.

* * *

Не будь, о аксакал,
Для нас бедою.
Хоть много повидал ты на веку,
Зря не кичись седою бородою —
Повыщиплют ее по волоску,

* * *

Давно считаясь признанным поэтом,
Я поздно
Мудрость творчества постиг...
Знать, в боль души, во все ее секреты
Не так-то просто посвятить других.

* * *

Я рифму к рифме подбираю строго,
Я постигаю сущность бытия.
Действительно, поэт бывает богом!
Но был ли бог,
Страдавший так, как я?

* * *

Я подлости
Не мог простить от веку,
Смириться с лицемерием не мог.
Ошибка — просто промах человека,
А преступленье — подлости итог.

* * *

Я с вами шел вперед,
Терпел лишенья,
Я с вами побеждал, мои мечты!
Вас потерять — лишиться вдохновенья,
Вас обрести — достигнуть высоты.

* * *

— Скачи, порыв!
Пусть резкий ветер свищет.
Лучей восхода длится торжество!
Без вас себя я чувствовал бы нищим,
Минуты вдохновенья моего!

* * *

Ты счастлив напомнить кому-то в угоду,
В ауле каком тебя мать родила...
Талант твой лишь в том,
Чтобы долгие годы
Висеть булавой у чужого седла.

* * *

Он в меру пылок,
В меру осторожен,
Он весь — цитат и знаний торжество.
Я слушал много раз его и все же
Ни разу не запомнил ничего.

СОВЕСТЬ И ЧЕСТЬ

1

Старик сказал:

— Забыл про стыд!

Наверно, совести не стало!..

— Так совестью ж не будешь сыт!.. —

Юнец ответил аксакалу.

— Я человеком жить привык,

Хоть не всегда бывало сыто! —

Притопнул сапогом старик

Перед расчетливым джигитом.

— Слыхал об этом я, слыхал! —

Юнец с насмешкой

Буркнул снова.

Но за собою аксакал

Последнее оставил слово.

И мудрость древнюю юнец

Услышал в медленном ответе:

— Простился с совестью — мертвей,

Хоть и живешь пока на свете!

С чего начался резкий спор?

Шальному слушаю в угоду

Я тот пристрастный разговор

Услышал, право, мимоходом.

Юнец, заносчивый такой...

Старик, каких у нас немало...

Смутили вдруг и мой покой

Слова седого аксакала.

Да, Совесть нас не наугад
Ведет к высотам и свершеньям.
О ней отец и мать твердят
Детишкам с самого рожденья.

— «Стыдись!» — и шум сменяла тиши.
— «Не совестно?» — смирялся грубый.
И в беге падавший малыш
Вставал, упрямо стиснув зубы.

Не пища нас
Вела из тьмы,
А Совесть — самой светлой целью:
Друзей не предавали мы
И не бесились от безделья.

Чтоб в дали дальние увлечь,
Чтоб распрямить над ширью смело,
Дала нам Совесть жизнь и речь,
Дала нам стыд, укрывший тело.

О том у прошлого спроси:
Стыдились силищи батыры,
Красавицы — своей красы,
Великие — признаний мира.

Судила Совесть доброту,
Невежество судила Совесть.
Всегда на праведном посту
Любой порыв судила Совесть.

И люди,
Перед ней склоняясь,
Не зря припоминают фразу:
«Смерть убивает только раз —
Стыд убивает раз от разу!»

Так было и вчера, и впредь
Так на планете нашей будет.
Так было.
Так да будет впредь,
Пока людьми зовутся люди.

2

Проходит Совесть по годам,
С подругой верною не ссорясь:
Неразлучимы Честь и Совесть,
Как будто Ева и Адам

Так жизнь и воздух
Всюду вместе,
Перед судьбой своей чисты —
Не любят жалоб люди чести
И не выносят клеветы.

Бесчестью рабский гнет по вкусу.
Врага в сражениях круша,
Парил герой, а зайцу-трусу
Был страшен шорох камыша.

Соилы, стрелы и кинжалы
В боях за Честь не знали сна.
И возлежали одеяла
На стервой холке скакуна.

Джигит безусый клялся звонко
Увидеть смерть врага.
А где-то
Осиротевшим верблюжонком
Рыдала песня над поэтом.

Честь пробуждала в нас упорство:
Нам не давал в хвосте оставаться
Великий дух единоборства
И в скачке, и в стихе, и в танце.

И пусть прервутся наши годы
От старости — не от стыда.
Ведь Честь и Совесть
Для народа —
Как те же хлеб и красота.

Нет, нам не жить с бесчестьем вместе.
Да будет так,
Как ныне есть:
Мир и свобода — дело чести
Для тех, в ком не уснула Честь!

Хранили Честь в былые сроки.
А ныне я свою, горя,
Сверяю с рыцарской, высокой,
Народной честью Октября.

ЗНАКОМ КАЗАХ МНЕ

Памяти Мажикена Бутина

Знаком казах мне тот,
Что в сердце носит
Вас, окрыленность, мысль и широта.
Хоть сам он смуглый и темноволосый.
При нем светло становится всегда.

Знаком казах мне, о котором люди
Толкуют, как о дерзостном борце:
Пусть тучи гром над ним роняют люто —
Покой и ясность на его лице.

Знаком казах мне.
Хоть его победам
Земных рулей касаться не дано,
Считает он, что для него планета
Не тяжелее, чем веретено.

Знаком казах мне — и мое желанье:
Пусть каждому познать бы повезло
И ум его, и щедрость, и дерзанья,
И редкое сердечное тепло.

Знаком казах мне смуглый,
Но с душою,
Ни разу не темневшей ни на миг,
Хотя подчас к лицу ему такое,
Что, верно бы, смутило у других.

Он, встречному протягивая руку,
Преград не опасается при этом.
И словно бы испытывает муки
При звуках слов
«Никак» или «да где там».

Хотя и свой для всех, но по-пустому
Нигде не заведет он разговора.
Он в жизнь влюблен, как в женщину.
Он дома
В любой из четырех сторон простора.

В пути, в делах почти что постоянно,
Готов он к дружбе всей своей судьбой:
У чабанов несут ему барана,
В цыганском таборе — и там он свой.

Краса и скорость впору аргамаку,
А человеку впору доброта.
«Вот образец джигита и казаха!» —
О нем повсюду судят неспроста.

...Такого знал казаха я, поверьте,
Который не кичлив был и не слеп.
Казалось мне,
Отмечен он бессмертьем,
Как наше время или наша степь.

Я стал писать о нем
По зову долга —
Но вот в печали дети и вдова...
Виню себя за то, что слишком долго
Копил о нем сердечные слова.

Я знаю многих истинных джигитов
(На одного их меньше стало вдруг...)
Я знаю тех,
Кем время знаменито, —
Умей их только различать вокруг.

К СВЕДЕНИЮ ЖЕЛАЮЩИХ

Желали мне, чтоб стал я дедом,
И я шутил: «Аминь! Идет!»
Я дедом стал — и тут же следом
Желаю в свой уже черед

Джигиту чести и полета,
Зиме — чтоб залегли снега.
Пчеле — целительного меда,
Старухе — просто старика.

Птенцу — для крыльев оперенья,
Столетним — совести сполна!
Тоской объятому — терпенья,
В путь вышедшему — скакуна.

Речам — взаимопониманья,
Седым — разумной седины.
Мужчинам — мудрого братанья,
А странам — мирной тишины.

Беспечной юности — открытый,
Строптивости — надежных пут.
Швее — привычно легших нитей
И веры — там,
Где люди ждут.

Писателю — горячей фразы,
Фельетонисту — остроты.
Завистнику — четыре глаза,
А пустозвону — пустоты.

Всем матерям — большого счастья,
Березам — белизны в тиши,

Неполной рюмки — пьющим часто...
Мои порывы от души!

А вот друзья твердят:
— Не ново!
Подумаешь, какая честь!—
Да, лучше было б, право слово,
Свои желания учесть...,

* * *

В этот миг посланцам красоты
От людей не надо утешенья.
Посмотрите,
Вон стоят цветы —
Все в слезах живого обновленья.

Грусть растений, быстро проходя,
Никогда растения не губит.
Вон сверкают влагою дождя
Лепестков пылающие губы.

Радостно, естественно, легко
Плачется цветам в минуты эти.
Матерей грудное молоко
Так вбирают маленькие дети.

Пусть цветы задремлют —
В свой черед
Их разбудит мудрая природа.
Пусть к цветам предчувствие придет
Праздника и продолженья рода.

В АЛМА-АТИНСКОМ ДВОРЦЕ БРАКОСОЧЕТАНИЯ

Что ж, Софья моя,
Ты молчишь напряженно?
Давно уже слез я твоих не видал...
Смутили нас радость ли молодоженов?
Разлука ли? Свадебный ли ритуал?

Дворца ли смутила гигантская юрта?
Из солнца, из камня сооружена,
Подобно планете — счастливых и юных
Кружит и кружит незаметно она.

Она воплощает естественность мира,
Свивает узоров задумчивых нить.
Дворцы знаменитого хана Джангира
Мне душу вот так не смогли б обновить!

Слепящее солнце оплавило купол.
От света не прячь, моя Софья, лица:
Нас давние дни озаряли не скучо,
Хоть в жизнь выходили мы не из дворца.

Те скромные дни — как негромкое эхо.
Но разве же нам не хватало минут
Для счастья, для шуток,
Для света, для смеха:
Сады после бури сильнее цветут.

Мы тоже не знали сомнений и страха.
И тот привлекал нас, кто жаждал преград
С девизом: «Я беден по воле аллаха,
Но сердцем по собственной воле богат!»

Мы четверть столетия гордо проносим
Сознанье, что все нам дано превозмочь,

Спасибо же, Софья, за щедрую осень:
За жизнь нашу, за сыновей и за дочь!

За дочь и за эти глаза верблюжонка,
Которым никак без надежды нельзя.
Ты, слез не тая,
Отступаешь в сторонку,
Я, грозно насупившись, прячу глаза.

В Гульмире твои и черты, и приметы.
Но пусть же судьбою не будет похож
Ее Алихан на меня, на поэта:
По слухам, безгрешных средь нас не найдешь!

Мы души откроем свои честь по чести
Тому, кто нам сын, а не просто родня.
Пусть дети седеют и старятся вместе,
Огонь сокровенный от стужи храня.

Я верю в единственный выбор Гульмиры.
Я дочери тот открываю секрет,
Что не было счастья готового в мире,
Не будет готового счастья и нет.

А к молодоженам протянуты руки:
Смеется, кто юн,
Поздравляет, кто стар.
Шампанское пенится. Слышатся звуки
Волнующей свадебной песни «Жар-жар».

Что нам пожелать своему верблюжонку?
Влюбленным никак друг без друга нельзя...
И, слез не тая, ты отходишь в сторонку,
А я, чуть насупившись, прячу глаза.

ТВОИ ОГНИ

Твои огни мигают. Но доныне,
Как горизонт, они всегда вдали.
Мои следы
Под сводом темно-синим
Травою и годами поросли.

А помню, искры рассекали воздух,
Как чайки, что кружить не устают.
В тепле их грелись утренние звезды,
Луна по ним сверяла свой маршрут.

Твои огни пространство прорезали —
И я в морозы ощущал жару.
Я мог их и с закрытыми глазами
Сыскать под утро или поутру.

Твои огни мигают. Но едва ли
Найду я силы,
Чтобы их раздуть:
Они ли нынче отступают в дали?
Мои ли чувства вспять относит путь?

ИЗ ПОЖЕЛТЕВШЕЙ ТЕТРАДИ

ТЫ САМА

Я ждал тебя с мальчишеским испугом,
Но, пленена нерасторжимым кругом,
Не в силах изменить своей судьбы,
Ты стала для меня хорошим другом.

Дотла сжигаем внутренней тревогой,
Я не манил тебя иной дорогой.
И ты навек осталась для меня
Такой недосягаемой и строгой.

Зовет на подвиг знамя не любое...
О, ты могла б вести от боя к бою!
Но душу я рассудку подчинил,
Чтоб не рвануться слепо за тобою.

В иные ночи боль просилась в песню,
В иные дни в груди ей было тесно.
Умри, умри, умри, моя любовь,
И дружбой неподдельною воскресни.

ВЕЧНОЕ ЖЕЛАНИЕ

В минуту, показавшуюся жуткой
Тому, кто не заслуживает зла,
Не знаю я, всерьез ты или в шутку
Меня своим недугом назвала.

Неизлечимым, тягостным недугом...
Нет, я не уронил слепой слезы,

Хоть тучи надо мною, как над лугом,
Сошлись для продолжительной грозы.

В желанье вечном кроткими словами
Молю судьбу о высшей из щедрот:
Пускай, с твоей дорогой не сливаясь,
Моя дорога рядышком пройдет.

ТЕБЯ НЕ ПОЗАБЫТЬ

О чём писать без пламени и крови
И что за песня — песня без любви?
Живи всегда в моем усталом сердце,
Хоть горем неутешным, но — живи!

От чести и до высшего огня
Всего-всего в избытке у меня.
Но лишь одна мечта тревожит душу,
Несбыточностью вечною мания.

Будь для меня всегда мечтой такой,
Гони из сердца негу и покой,
Чтоб песни, зародившиеся в сердце,
Вдаль растекались огненной рекой.

ТЕБЕ ОДНОЙ

Поэзия всегда была со мной,
Как самое застенчивое чувство.
И только лишь тебе, тебе одной
Я поверяю волшебство искусства

Осколком грозно рухнувшей скалы,
Спокойным сердцем
Внемля песням-птицам,
Ты стыла над ущельем, полным мглы...
Но дрогнули тогда твои ресницы!

Какой ты в песнях?
Смысл могла найти?
Быть может, ты сознательно и грустно,
Подобно мне, таила взаперти
Свои на волю рвущиеся чувства.

Мне навсегда запомнился тот миг,
Когда вступили тайны в поединок
С тобой и мной, когда в глазах твоих
Рябило от сверкающих снежинок...

Поэзия моя! Она со мной.
Как самое застенчивое чувство.
И только лишь тебе, тебе одной
Я поверяю волшебство искусства.

ТЫ МОЙ ВРАЧ

Границу нашей дружбы не нарушив,
Недаром приоткрыл тебе я душу:
Свою болью лечишь ты мою,
И боль моя становится все глупше.

Хоть ныне я всегда неподалеку,
Твоя душа, как прежде, одинока,
Как в дни моих скитаний по фронтам,
В былые дни твоих весенних сроков.,

Да, мы живем с тобой, того не зная,
Что ждет нас в скором будущем, родная.
Готов любой успех в твоей судьбе
Своей бедою оплатить сполна я.

Нельзя узнать того, что будет вскоре,
Но я перехвачу любое горе,
Любые беды на твоем пути...
Не так ли лечишь ты меня от хвори?..

ШЕПОТ ВЕТЕРКА

Услышав чей-то говор по соседству
Или тревожный шепот ветерка,
Ты знай, что это любящее сердце
Приветствует тебя издалека.

Когда стволы колышутся упруго,
Листва шумит под ветром — ты молчи,
Но знай, что это теплый голос друга
Издалека доносится в ночи.

Когда холодный ливень
С градом вместе
Стучит в окошко вызовом судьбе,
Ты знай, что это те простые песни,
Которые сложил я о тебе.

Ах, мне ли нынче уповать на чудо!
Но как воспоминанья ни остры,
Пока я буду жив, не позабуду
Счастливых дней умчавшейся поры.

СЕДОЙ ВОЛОСОК

Настал откровения срок:
Я в прядках, темнеющих строго,
Заметил седой волосок —
И в сердце плеснулась тревога.

Конечно же, часа ты ждешь...
Но все во мне похолодело,
И даже
Какая-то дрожь
Волной прокатилась по телу.

Я в зеркале видел: рука,
Идя произвольно на это,
Мгновенно коснулась виска
И вырвала старости мету.

Какой был от этого прок?
А с метой — с безжизненной тою —
Я выдернул и волосок,
Блестевший живой чернотою.

Забывши о множестве дел,
Вздыхал я с безличным укором.
И в зеркало мрачно глядел,
И думал о старости скорой.

О скорой?
Нет, я не вполне
Был искренен в этом сначала:
За весточкой весточку мне
И прежде она подавала.

Приход ее не был скрыт.
Но в миг неминуемой встречи

Не станет же славить джигит
Свой день, повернувший на вечер...

Хоть с вами, любовь и война,
Имели мы в юности дело,
В далекие дни седина
Коснуться меня не посмела.

Полвека прожить довелось
Под высью
То хмурой, то синей.
И все же доныне волос
Не трогал серебряный иней.

А впрочем, всерьез говоря,
Нисколько он мне не помеха.
И я растревожился зря —
Свой срок у жары и у снега.

Военный буран был готов
Завьюжить мне голову белым,
Хоть знал, что никто для голов
Частей запасных не наделал...

Белы облака в синеве.
И, может, присутствие снега
Горячей моей голове
На пользу, как новая веха?

Не знаю, не знаю, друзья,
Как с песнею быть лебединой...
Я слышал, без моды нельзя,
А в моде сегодня — седины.
Не знаю, не знаю, друзья!

Нет, я не расходовал прыть,
За модой гонясь без оглядки.
Я рад бы огнем растопить
Морозные ниточки в прядках.

В дерзаньях, а не в забытии
Усваивал я понемногу:
Слова твои — годы твои,
Шагай — и осилишь дорогу!

Дни не возвращаются вспять,
Февраль не порадует жаром.
И вновь жеребенком не стать
Вошедшему в силу тулпару.

Зима — так метельна она,
У гор — высота на примете.
Должна быть еда — солона,
Для матери главное — дети.

Земли украшение — сад,
Достойным —
На смену идти нам.
А если вам за пятьдесят,
Пора появляться сединам.

Так смог я волненье смирить,
Бровей, как вначале, не хмуря:
Подумаешь, белая нить
Блеснула в моей шевелюре!

Пусть заиндевеет висок
Зимы непременною вестью!
Но жалко мне тот волосок,
Что с белым я выдернул вместе...

* * *

С.

Друг к другу мы
Тянулись без оглядки.
Вот так союз супружеский возник,
Так стали жить без крова и достатка
И ты и я — вчерашний фронтовик.

Мы не давали клятв многословных,
Довольные судьбою без прикрас.
Хотя б в наследство
Сломанный половник,—
Но и такого не было у нас.

Я всю тебя постиг,
Я стал крылатым,
Твой ум и твой характер полюбя.
Я миллионы раз
Судьбу солдата
Благодарил за жизнь и за тебя.

Твои глаза и тоненькие руки
Сильнее бурь, сильней меня в борьбе.
Ты не трибун,
Не деятель науки —
Но сколько женской мудрости в тебе!

Я ПРИДУМАЛ ТЕБЯ

В тебе, в тебе одной искал я исцеленья,
Тебе я поверял минуты и года.

Наверно, если б вдруг
Исчезло вдохновенье,
И сердце бы в груди умолкло навсегда.

Пусть не пришлось ему увидеться с тобою.
Но ты,
Хоть я и сам с тобою не знаком,
То пламенем взлетишь в пространство голубое,
То сникнешь на пути увянувшим цветком,

Ты дух или мираж?
Реальность или небыль?
Слепящая ли явь?
Немое ль забытье?
Влекущая ль постель?
Кружащая ли в небе
Пыль атомной грозы — отчаянье мое?

И радость, и печаль, и новые высоты
В тебе я открывал — и не был одинок.
Но пусть читатель мой не мучается:
— Кто ты?
Я выдумал тебя для искренности строк.

Затею относя к никчемности, не скрою:
Я создал твой портрет
Лишь твой — не чей-нибудь,
Чтоб ты могла меня нелегкою порою
И твердо поддержать, и нежно упрекнуть.

Ни имени, ни черт, ни адреса квартиры...
Пожалуй, я тебя смогу, не разлюбя,

Поэзией назвать:
Ведь нет в подлунном мире
Ни женщин, ни цветов прекраснее тебя.

Тревожишь ты меня тревогою чудесной,
То свежестью строки, то образом дыша.
Вот так коснешься струн —
Домбра ответит песней,
А песне в тот же миг откликнется душа.

Душа!
Ведь мы и с ней те песни до рассвета,
Те тайны пополам делили долгий срок.
Вот — жизни перевал...
Так в чем же грех поэта,
Что выдумал тебя для искренности строк?

ЗАБЫТЫЕ СТРОКИ

* * *

Я ждал упрямо.
Я мечтал о мести.
Я тосковал, измучен суетой:
Тобою прежде занятое место
Теперь зияло стылой пустотой.

Стараясь разговаривать потише,
Гадал о том, что будет впереди,
Когда я снова голос твой услышу,
И сердце успокоится в груди.

Судьба порой в какое-то мгновенье
Все так переменяет на веку,
Пришла ты...
Но отныне отчужденье
Сменило ожиданье и тоску.

И дрогнул я, за творчество в ответе,
Былые сны по-прежнему любя.
Я без тебя смогу прожить на свете.
Но проживет ли стих мой без тебя?..

* * *

В степи немало любопытных глаз,
И дни настали странные для нас.
Все реже мы с тобой бывали вместе:
Мол, делу время, а потехе — час.

Опасливо встречались — вдруг беда?
Беспечность утеряли навсегда,

Мы были озабочены — и, значит,
От счастья не осталось и следа.

Сто раз пройдя один и тот же путь,
Чтоб только раз в глаза твои взглянуть,
Осознавал я, что от жизни вора
Моя — не отличается ничуть.

* * *

«Мчит время,—
Я запомнил слово в слово,—
Пожаром, пожирающим бурьян
И обходящим скакуна любого.
А кто умрет — для тех акыр-заман».*

Мальчишкою усвоив это прочно,
Решил я поторапливаться впредь.
Прошло немало лет.
Но мне о прошлом
Не хочется в отчаянье скорбеть.

И ты за мною следуй без оглядки,
Заботами других обременя.
Да, было у тебя всего в достатке,
И все же ты косилась на меня.

Надежду громоздила за надеждой,
Хотя такие грузы нелегки.
Но там, где ты,—
Всегда цветет подснежник.
Где нет тебя — сыпучие пески.

* А кыр-заман — конец света

Да, я слова стихов усвоил прочно,
Хотя я знаю, что когда-нибудь
Взгрустнется сердцу о суровом прошлом,
О том, чего вовеки не вернуть.

* * *

Уж если я и рухну, то всем телом,
Уж если полюблю — то без предела.
Когда горю — сгораю без золы,
А если верю, значит, верю смело.

В тебя я верил, как фанатик в бога,
Но все разбилось вдребезги в итоге.
Считал я чистым золотом тебя,
А ты лишь позолочена немного.

Нет, не простит фанатик поднебесье,
Как не простит народ фальшивой песни.
Былую веру вновь не обрести,
Кто заживо скончался — не воскреснет.

* * *

Ты тешилась,
Как праздничный цветок,
Улыбками моими и слезами.
А день далекий, встречи нашей срок,
Доныне у меня перед глазами.

Хоть мне судьба готовила провал,
Мне угрожала неудачей злою,
Тогда я жарким пламенем пыпал,
А ты была чуть теплою золою.

И, не решась приблизиться ко мне,
Святое чувство обратила в шутку,
Чтоб не сгореть в занявшемся огне...
Но ведь любовь не подчинить рассудку!

* * *

Степной ковер, ты вянуть погоди:
Погожих дней немало впереди.
Пусть бурно наша юность отпылала,
Но сердце не смиряется в груди.

Моим заботам в мире нет границ,
И я не зря мечтал о крыльях птиц.
Ах, где ты, где ты, саулеш* мой, где ты?
Приди в мои объятия зарниц!
И птице,
Чтоб полет вершился, скор,
Нужны свобода и степной простор.
Пусть вольно вьется в небе жаворонок,
Продолжив песней этот разговор.

* * *

Пусть степь и город
Внемлют дивной песне,
Которая звучит в моей крови
И душу поднимает в поднебесье
На светлых крыльях счастья и любви.

Ты мной была увидена воочью,
Как тот тюльпан, что вырос на тропе.
А вскоре ночи, бархатные ночи
Накинули на нас свое корпе.

* Саулеш — буквально «мой лучик», ласковое обращение.

И тот, кто золотую рыбку хочет
Поймать, бросаясь в мир, что в океан,
Пусть молит о продленье дивной ночи,
О вечной негасимости Шолпан.

* * *

С друзьями и достатком по соседству
Не знавшее ни зноя, ни пурги
По небу жизни молодое сердце
Вычерчивает соколом круги.

О мрачности не думает устало,
Всегда зовя в заоблачный полет.
Нисколько не довольствуется малым
В водовороте будничных забот.

О творчество! О ярмарка джигитов,
Где может отличиться и юнец.
Стихи,
Как взор красавицы, открыты
Для гордых и возвышенных сердец.

* * *

Слетает пух с небес и днем и на рассвете,
Три дня придется снег трехмесячной зимы.
И мечется, хрипя,
Давно уставший ветер
В объятьях вихревой и стылой полутины.

Скрипят стволы.
Для них в такое время года
Несбыточна мечта — безмолвие полян.
На мир и на себя озлоблена природа,
Не чувствуя конца симфонии «Буран».

Я мыслю уношусь за снежные преграды,
Как будто ни на ночь с разлукой не знаком.
Как будто бы три дня
Дышу с тобою рядом
У щек и у ресниц, припудренных снежком.

Вот ты идешь ко мне
Сквозь непогоду и стужу,
И я бросаю снег тебе за воротник.
Язык мой нынче груб, и шутки неуклюжи,
Наверно, потому, что радость я постиг.

И ветры улеглись,
Лишившись буйной силы,
И солнце в тишине свершило полукруг.
Ты мне дала понять,
Ты щедро мне открыла
И горечь, и тоску, и трепетность разлук.

Я помню, бесконечные мгновенья
Едва передвигались, тяжелы.
И солнце замирало в отдаленье,
Как бы задев за краешек скалы.

Так и она, и я встречали вечер,
Тоску и нетерпение терпя.
Мы не о поцелухах — мы о встречах
Стеснялись думать даже про себя.

В ауле хватит дел
До поздней ночи.
К тому ж отцы и матери подчас
Со взрослых сыновей — не то что с дочек! —
Ни на минуту не спускают глаз.

В ту пору
Честь влюбленных, как святыню,
Крутые сохраняли времена!
Мы чувство не растратили доныне:
Знать, у тоски высокая цена!

Да, помню я, как время замирало:
По-птичьи малый миг,
Как долгий год,
Под градом раскаленного металла
Я проклинал и снова полз вперед.

Мне не забыть и мирные ненастья,
Когда за мною смерть пришла опять.
И славит стих мой не тоску, а счастье
И те сердца, что научились ждать.

Что ж, новый ритм сменил былую пору.
И время скакет, бешено кружит,
Как часовая стрелка, над которой
Поддерживает кто-нибудь магнит.

Уже меня не ждут под звездной сенью,
И я не жду других, скрывая грусть.
Из-за меня грядущие мгновенья
Пусть бег свой не придерживают...
Пусть...

СВОЯЧЕНИЦЫ

Шутка

Спасают или губят
Манящие зрачки?
Смеющиеся губы
Нежны, как лепестки.

Сестрицы с полсловечка
Тотчас поймут меня.
Придержут за уздечку
Горячего коня.

Расстелят одеяло —
И я усядусь, горд.
Их щеки рдеют ало,
Как зреющий апорт.

Не смолкнут на минутку
Дразнящие уста.
Пленяет справа шутка,
А слева — красота.

Одни смеются кротко,
Другие — все бойчай.
Летящая походка!
Двусмысленность речей!

Для гостя стол и слово.
Насмешницы слегка
Похвалят молодого,
Утешат старика.

В напев сольют дыханье.
А то, грозны на вид,

Устроят состязанье —
Чья ловкость победит?

И станут веселиться,
Любого термоша...
Где ныне озорницы —
Балдыз и кудаша?*

Где прежнее веселье?
Ведь в давние года
И мы не от безделья
Развились иногда.

Таких проказниц ныне,
Пожалуй, не найдешь.
Чего же ты в гордыне
Дикишься, молодежь?

Зачем же мне в молчанье
Скучать за часом час,
Коль держишь ты и знанья,
И песни про запас?

Влеки, теряй рассудок,
Волнуя и дразня.
И не жалей ни шуток,
Ни смеха для меня!

Пусть к лицам до заката
Не прикоснется тень!
Смотрю я виновато
На отшумевший день...

* Кудаша — старшие сестры жены, балдыз — младшие. По обычаям, зять подолгу выслушивает их поддразнивающие речи.

Не с ним ли это вместе,
Как зять, стою я тих
В кругу поющих песню
Своячениц своих?

Почет мне не случайно.
До самой темноты
Все мне — и смех, и тайны,
И шутки, и цветы.

ОСЕНЬ

Пока жара ее еще крута,
Пока цветов не меркнет красота,
Похожа осень на мои полвека,
Не верящие в злые холода.

Росой умыта — в чем ее надлом?
Но осень летним держится теплом.
Но в основном осень — как мои полвека,
Чьих дней в грядущем
Меньше, чем в былом...

Еще сверкает молния, строга,
Но не поджечь ей сенные стога.
И с грустью осень, как мои полвека,
Глядит, глядит в зеркальность родника.

То снег, то дождь,
То вестниками тьмы
Вновь наползают — облаков холмы.
И стынет осень, как мои полвека,
На зыбкой грани лета и зимы.

Сады, пустея, грустно смотрят вдаль,
Их веток оголяющихся жаль.
И осень, осень, как мои полвека,
Тает под сердцем тихую печаль.

Желтеет степь, куда ни посмотри.
Но то не отсвет золотой зари.
То просто осень, как мои полвека,
К таким тонам приходит изнутри.

Холмы, деревья — все, что на виду,
Подчас горит в лучах, презрев беду.

Но знает осень, как мои полвека:
Двум веснам не бывать в одном году.

Зато каков сейчас ее размах!
Какой итог работ в ее плодах!
Такая осень, как мои полвека,
Как труженик полей,
Всегда в делах!

ДИЛЯРА

Диляра! Щебетаньем этим
Ты мне сегодня без затей
Напомнила, что есть на свете
Язык природы и детей.

Диляра! Ты смеешься звонко,
Мне исцеление суля.
Весь день твердят твои глазенки
О том, что солнечна земля.

Дилярочка моя! Диляра!
Ты мне напомнила о том,
Что шумом южного базара
Детишки наполняют дом.

Ты всех прекраснее на свете!
Твоим раздумьям нет цены!
(Такими качествами дети
В глазах родни наделены...)

Лишь ты напомнить мне сумела
О том, какой идет мне год.
И нет тебе, Диляра, дела
До множества моих забот.

А я, следя за каждым слогом,
Произносимым мне в ответ,
Уже смиряюсь понемногу
С чуть грустноватым словом «дед».

БЛАГОДАРНОСТЬ

Сто раз тебя благодарю,
Сто раз тебя благодарю
За согревающее лето.
Хоть стылый ветер завывал,
Хоть круто вился перевал,
Хватало мне тепла и света.

Сто раз тебя благодарю,
Сто раз тебя благодарю
За верность свежести крылатой.
Не просто я вернул себе —
Вернула ты моей судьбе
Потерянное мной когда-то.

Лишь прикажи — и в миг любой
Готов поднять я над собой
Груз, равный тяжести планеты.
Так боевой, но старый конь
В копытах чувствует огонь,
Хоть время катит не к рассвету.

Я не заметил — счастлив, рад,
Как полдень перешел в закат,
Перевалил излишне скоро.
Алеет небо до поры,
Но нет уже былой жары,
И солнце валится за горы.

Не угасай в любой ночи —
И солнце вновь вернет лучи,
И луны высветятся ими.
Шуршат под ветром ковыли.
Я слышу в шепоте земли
Твое волнующее имя.

Все то, чем громок я и тих,
Чего достиг и не достиг,
Несут мои стихотворенья.
Сто раз тебя благодарю,
Сто раз тебя благодарю
За эти годы вдохновенья!

МАЛЕЕВКА*

Малеевка всюду со мной по соседству.

Малеевка — Мекка моя и весна.

Страну, как парник, согреваемый сердцем,
Плодами искусства снабжает она.

Сюда приезжал я одним человеком,
Долгами судьбу свою обременя,

Другим — уезжал...

Наша строгая Мекка

Не может пожаловаться на меня.

Мы имя ее прославляем, поверьте.

Мы вносим оплату с надеждой благой,

Как будто дано обрести нам бессмертье.

Впридачу к путевке на месяц-другой.

Обходят Малеевку бури и крахи.

Расход окупается стопкой страниц:

Так возбуждены мы здесь, словно монахи

Вошли в пансион благородных девиц.

В окрестных лесах затаились тропинки.

Стоит тишина и за домом, и в нем.

Сердца ли тут, пишущие ли машинки

Стучат с перебоями ночью и днем.

Стучат — как в покой царя и царицы,

Вторгаться к нам настрого запрещено.

Стучат — может, это домашние птицы

Бессонно клюют на фанере зерно?

* Малеевка — название местности, где расположен Дом творчества писателей.

Я шел по трапу, юность вспоминая.
И чудилось мне несколько минут,
Что вся Отчизна — палуба стальная,
Родимый дом — любая из кают.

Живой Маршак мне снился до рассвета —
И на разлуку не хватало сил.
Верней и глубже понял я поэта,
Хоть он меня в тот раз
И не хвалил...

ПРОБУДИВШИЙСЯ ТИТАН

Над Индией невысоки
Созвездия, маня куда-то,
Роятся, словно светляки.
Октябрь. Шестьдесят девятый.

Прохлады ночью нет нигде.
А день с ума жарою сводит —
И медом на сковороде
Белеет солнце в небосводе.

Нет, здесь ни осени спроста
И ни зиме не воцариться.
Здесь величава красота
На бронзовых и темных лицах.

Здесь Таджмахал и сам Тагор
Волнуют бойкого туриста.
Я знаю, край с недавних пор
Проснулся — древен и неистов.

Край, словно конь, летит, когда
Подтянута на нем подпруга.
Сокровища и нищета
Здесь гордо смотрят друг на друга.

И я подумал о слоне,
Чей символ с краем побратался.
О том слоне, на чьей спине
Сидел владыкой лев британский.

А другому, знать, охота
Затемнить дымами свет.

Кое-кто теряет меру,
С маху объявляя бой
Духу Ганди, духу Неру,
Духу Индии самой.

И такие есть,
Что тщатся
В хлопотливости пустой
Разорвать страну на части
Голодом и нищетой.

Длятся долгие раздоры.
Но народ глядит вперед,
Но народ — тому опора,
Кто на деле за народ.

Ночи мира, зори мира,
Как бы путь их ни был крут,
Слово светлое «Индира»
Над страной сейчас несут.

Этим именем увенчан
Ветер в строгой тишине.
Это имя многих женщин
В удивительной стране.

Кто Индира? Может, это
Вспышка, режущая мрак?
Птичья трель перед рассветом?
Знамя будущих атак?

Вот звучит «Индира» снова,
Голос рабства заглушив,

Как призыв забыть оковы,
Как прекрасного призыва.

Сколько тезок у премьера?
Эх, навеки бы ей стать
Имени того примером
И делам его под стать!

О народ! Его свобода
Мне дороже всех свобод.
Подвиг дочерей народа —
Он особенно влечет.

Горячо дыханье Дели,
Словно бы муссон в пути.
Бури б, чудится, взревели,
Если дух перевести.

Ясно небо над Паламом,*
Росный сад зарей цветет.
Чист рассвет, идущий прямо
В вечность городских ворот.

* Палам — аэропорт в Дели,

Кокосовый сок для меня —
Как, скажем, кумыс для казаха.
У вас почитают коня,
Слон в Индии — символ размаха.

Нет, дружба нас не подвела.
И я повторять не устану,
Что в чем-то сродни Керала
Сегодняшнему Казахстану.

Два края
Друг другу сродни.
Твердят их открытые души,
Что схожи минувшим они
И даже — кто знает? — грядущим...»
«Спасибо!» — сказал я как гость.

Но выслушать тосты при этом
В честь Индии мне довелось
И в честь государства Советов.

Гирляндой цветочной, сплошной
Повсюду нас отягощали.
С подсолнухи величиной
Какие-то розы вручали.

Как радостна ты, Керала!
И я заверяю планету,
Что имя твое и дела
Еще разнесутся по свету.

НОЧЬ БОМБЕЯ

1

Бомбяя ночь и тьмы полна,
И золотистости при этом.
Бомбяя ночь темным-темна,
Бомбяя ночь сияет светом.

Жестка, как гроб, густая мгла
И мягче пуха или плюша.
Ночь многослойна, как скала.
Ночь разным людям
Разно служит.

Ночь и длинна, что твой аркан,
И коротка, как миг крылатый.
Ночь — раскалившись бархан —
Бедна и все-таки богата.

Ночь — жаждой воспаленный рот,
Ночь — мутноватых вин прохлада.
Ночь — это и луны восход,
И жизнь, отравленная ядом.

2

Он, словно золотой трофей,
Сверкает в сумраке окрестном.
Как простию, смогли Бомбей
Швырнуть в приданое невесте*.

Здесь все, заморский господин,
Тебе, казалось, было чуждо.

* Португальская принцесса, выйдя замуж за английского короля Карла II, получила в приданое город Бомбей,

Такому сон не в сон, пока
Еще пусты его капканы.

О, ты понять того сумей,
Кто дружит с истиной суровой.
Не осуждай меня, Бомбей,
За честно сказанное слово.

5

А вот иной судьбы пути.
На улице, одетой тенью,
Любую душу потрясти
Способны страшные виденья.

Здесь люди пленниками зла
Рыдают и теснят друг друга.
Их обнаженные тела
В следах жестокого недуга.

Слабы, измучены, тонки —
Скелеты под иссохшей кожей —
И женщины, и старики
Хватают за полы прохожих.

По обе стороны пути
Недвижно подпирают стены.
Их, если ближе подойти,
Нельзя принять за манекены.

Почти девчонки, голодны,
Моляще простирают руки.
Шкала их нынешней цены
Никак не более двух рупий.

Стоят, не тяготясь ничуть
Ни красотой,
Ни видом дерзким.
Нужда на страшный этот путь
Несчастных обрекает с детства.

Прости же вновь меня, Бомбей:
Для самого себя нежданно
Я в думах о судьбе твоей
Задел болезненные раны.

Твой новый день не виноват,
Неся минувшего приметы.
И я, признаться, сам не рад,
Что все-таки увидел это.

Меня, я знаю, неспроста,
Как длящиеся преступленья,
Бросают в пот и духота,
И эти дикие виденья.

Москва была
В сплошном снегу,
Когда мы в Индию летели.
И я не вспомнить не могу
И зиму, и ее метели.

Тогда простором про запас
Дышал я перед заграницей.
В груди усталой и сейчас
Немного свежести хранится.

Не все понять способны всех.
Но как принять такой обычай,
Когда бывает человек
Нужды и голода добычей?

Почти что ощутимой тьмой
 Одет на тротуаре вязком,
 Ты шаг за шагом,
 Как слепой,
 Передвигаешься с опаской.

Лицом рискуя всякий раз,
 Выносишь сильную болтанку,
 Как будто тротуар сейчас
 Вдруг вывернулся наизнанку.

Вокруг,
 куда ни погляди,
 Застыли в бесконечной груде
 Не камни на твоем пути,
 Не камни, а живые люди.

На косах головы лежат,
 На кулаках лежат неловко.
 Вон дети, вытянувшись в ряд,
 Приткнули к матерям головки.

Во власти жесткой темноты
 Гнетет людей оцепененье.
 Число их — всей Алма-Аты
 Сегодняшнее населенье.

Их ночь
 К утру уходит прочь,
 Как невод в глуби океана.
 Тела их иссушает ночь
 Сильней горячего бархана.

Их ночь протянута в года,
Как грязный тротуар под боком.
Их ночь я сравнивал тогда
С зинданом тесным и глубоким.

И слепо глядя в эту мглу,
Как многоцветные уступы,
Возносят господу хвалу
Окраин жалкие халупы.

«От ливней, боже, упаси!»
Гонимы запахами гнили,
Здесь богачи,
Зажав носы,
Стремглав ведут автомобили.

Халупы сносит не пожар,
А грозная пора муссонов...
Кто выжил, тот на тротуар
Ложится медленно и сонно.

И снова сводит мрак с ума
Больных, голодных и раздетых.
Но все же нынешняя тьма
Уже таит в себе просветы.

Бомбей! В кругу своих забот
В последний раз
Прости меня ты!
Ты — это трудовой народ,
Ты — это и аристократы.

Я не смеюсь над тем, кто наг.
Людские муки мне не чужды.
Не замечает только враг,
Твои усилия и нужды.

Ты руку братства протяни
Тому, кто рад руке рабочей.
Я верю, будущие дни
Рассеют мрак бомбейской ночи.

7

Кидая брызги в вышину,
Развится ветер на просторе.
И судно встречную волну
Врезает в Аравийском море.

Еще вскипают войны, злы,
Еще края живут в тревоге.
А здесь вот вяжутся в узлы
Надежды, планы и дороги.

Чье судно, чей парящий флаг
Сейчас надежнее, вернее?
Кто бедным друг,
Кто бедным враг —
Известно в нынешнем Бомбее.

Лучи свергаются с высот.
И, хоть не все решает сразу,
О многом думает народ
Бронзоволикий, черноглазый.

Не зря рабочие в порту
В железном лязге,
В тучах пыли
Сердец открытых теплоту
Давно и верно оценили.

Соединяя с далью даль,
Здесь песни наши так пылали,
Как закипающая сталь
В печах рабочего Бхилаи.

На рейде солнечном — взгляни! —
От наших кораблей теснее.
Желают светлых дней они
Частице Индии — Бомбею.

8

Когда бедняк уйдет на труд,
Когда богач в постель заляжет,
День зашагает, как верблюд,
Под всенародною поклажей.

Киноволшебник Радж Капур
Здесь видит бедствие людское.
Ведь там,
Где город сер и хмур,
Забыли люди о покое.

Мечты о будущей судьбе
Должны сейчас ходить в атаки.
Герой готов полечь в борьбе,
Но трус согласен жить во мраке.

И ширь воды, и даль дорог
Во власти превращений вольных.
За счастьем — горе на порог,
За ветром в океане — волны.

Светло не в каждой стороне.
Но, где бы ни довелось родиться,

Мы рады солнцу и луне,
Мы силимся взлететь, как птицы.

Мечты Бомбэя, высоки,
Копятся в зоревом пожаре.
К утру устали бедняки
Ворочаться на тротуаре.

У тех, кто здесь лежит в пыли,
Мечты с годами не слабее...
Очеркивает тень вдали
Висячие сады Бомбэя.

Орел, чтоб ветер превозмочь,
Крылом встречает ветер этот.
Теснят асфальтовую ночь
Лучи спокойного рассвета.

NO3MPI

ОРЛИНАЯ СТЕПЬ

ВСТУПЛЕНИЕ

«Хоть трудновато начинать сначала,
Но просят — согласишься наконец!»
Так откровенно говорил певец
О песне, что пока не прозвучала.

Да, первую строку создать в тревоге —
Как первый след впечатать в целину.
Тому, кто знал дороги и дороги,
Не позабыть заветную — одну...

Но стоит ли приветствовать безделье
Лишь оттого, что жизнь не так легка?
Ведь даже пьяниц мучает похмелье
До утреннего первого глотка.

Ребенка самъй первый шаг нелегок,
Рывок в седую высоту нелегок,
Сказать «люблю» впервые нелегко,
И честный путь к открытию нелегок.

Начало — ход к не ведомому прежде,
Начало — новизна и широта.
Начало — революция надежды,
Начало — труд, борение, мечта.

С чего ж начать?
Да, на вопрос на этот

С порогов давней полудикой тьмы
Доныне не смогли найти ответа
И самые глубокие умы.

С чего начать?
Вопрос метался стоном.
С чего начать борьбу с жестоким злом?
И люди шли на гибель за Гапоном,
Как овцы за предателем-козлом.

Но вот господь в деяниях обесценен.
Но вот и нам забрезжила заря,
Когда большевики и лично Ленин
Начать решили эру — с Октября!

Знавал ли мир подобное начало,
Сверкнувшее в порыве вихревом?
С тех пор и наша степь навеки стала
Поэзией, легендой, торжеством.

Издревле горделивые усилия
Орлам дарили царственный полет.
Сегодня степь, легко раскинув крылья,
Возносит и себя, и свой народ.

Луна и Солнце обращают взоры
К ней, многое видавшей на веку.
Я знаю, нелегко воспеть просторы,
Но только смерть прервет мою строку.

Мне, что коню, на месте не стоится —
И вновь стихи берут пьянящий старт.
Богатством был у нас мешок пшеницы —
Богатством стал казахский Миллиард!

Кусочек хлеба мог спасти когда-то,
Как мог жестоко погубить когда-то.
И горсточка — в подоле — отрубей
Могла ценою жизни стать когда-то.

Мои стихи естественны, как росы:
Всегда народной темою влеком,
Ответы на извечные вопросы
Впитал я с материнским молоком.

О, СТЕПЬ!
(Монолог автора)

О, степь!
О, солнечная степь!
Влекут твои высоты, степь!
И широка ты, и могуча!
И глубока, родная степь!

Вся от черты и до черты —
Лежишь ты, предвкушая небыль.
Голубизной похожа ты
На опрокинутое небо.

О, степь-верблюдица!
О, ширь
Тулпаров, скачущих из сказок!
Степь-стригунок, степь-богатырь,
Степь майских дней и майских красок!

Ты — аксакалов забытье,
Ты — луч под беспростивым кровом.
Ты — исполинское жилье,
Ты — юноша в наряде новом.

Нет, не слезами — молоком
Ты полнишься, забыв о страхе.
Смешались в облике твоем
Черты ежа и черепахи.

О жесткий панцирь твой
В бою
Мечей обломано немало.
Как еж иголками — змею,
Врагов ты пиками встречала.

Еж. Черепаха.
Не со зла
Я к ним прибегнул для сравненья.
Ты гордо голову несла
Сквозь все сраженья и лишенья.

Но, ощущая холода,
Цветы не распускались в прахе.
Ежами шли и шли года,
Ползли века, как черепахи.

Кто б догадался, гостем вхож
В простор немой и сиротливый,
Что крылья ты таишь, что ждешь
С высот орлиного призыва?

Кочуя в дымке голубой,
Где шла жара с нуждою рядом,
Кто знал, что в глуби, под тобой,
Моря покоятся и клады?

«Мои богатства не гниют,—
Ты сонно думала порою.—
Увижу вдохновенный труд,
Вручу сокровища героям!»

Как ты не выдала тоски
Врагам, и скрытым, и открытым?
Как не разбили на куски
Тебя бессчетные копыта?

Нет, не таила ты добра,
Как та мыстан* в народной сказке.
Душа твоя была щедра
Всегда — на помошь и на ласку.

Не ты ль со степняками вместе
Прислушивалась к светлой песне?
Не ты ли улыбалась им
И радовалась доброй вести?

Не ты ль не ведала испуга?
Не ты ль красой была строга?
Не ты ли всем была для друга,
А смертью — только для врага?

Не ты ли верила надежде?
Незрим, но крепок и упруг —
Не на твоей ли шее
Прежде
Дрожал натянутый курук**.

Вдаль ледоход столетий шел.
И ждали лучшего удела
Козы — как раненый орел,
Баян — как верблюжонок белый***.

Пусть степь бы символом взяла,
Чтобы гербом нести повсюду

* Мыстан — жадная колдунья

** Курук — шест с петлей для ловли коней.

*** Козы и Баян — герои народного эпоса.

Изображение орла
И терпеливого верблюда.

О, степь!
В твоих просторах я
Своей судьбы расставил вехи.
Ты — боль моя и честь моя,
Мой труд и все мои успехи.

По-матерински торопя,
Твой мудрый взор зовет куда-то.
На все готовы за тебя
Твои орлы и верблюжата.

Как лайнер морем,
Я влеком
Мечтами гордыми твоими.
Назвать казаха степняком —
Назвать его второе имя.

Я, раскален тобой одной,
Тобой откован в юной рани.
Прочту в кроссворде: «край степной» —
И знаю: речь о Казахстане.

Казах тебе, родной простор,
Жизнь посвящает без остатка,
Хоть есть края лесов и гор,
Где даже слово «степь» — загадка.

За рубежом десятки раз
Я слышал:
— Степи — что такое? —
Вопрос мне этот и сейчас,
Признаться, не дает покоя.

Хоть заключи я в свой ответ
Все достижения науки —
Что для незрячего рассвет?
Что для глухого песен звуки?

Чтоб степь узнать наверняка,
В степь приезжают без отсрочки
На годы. ведь издалека
И пламя — вроде желтой точки.

Здесь сонно плавится жара,
Здесь люто властивают морозы.
Здесь на виду у всех с утра
Твои улыбки, взгляды, слезы.

Здесь вольно окликают высь
Напевы дудок тростниковых.
Здесь желто-золотист кумыс.
Здесь влага родников медовых.

Здесь ветер сутками готов
Дышать емшаном и полынью.
Как тихо после городов
Здесь — под невозмутимой синью!

Любуйся, гость, моей страной,
Смотри налево и направо.
Вот, собственно, буран степной!
Вот — ливень!
Вот — густые травы!

Вот дверь, не знавшая замков.
Да не забудь еще при этом,
Что сам характер степняков
Вобрал черты зимы и лета.

Здесь путник находил приют
Под скромной войлочною сенью.
Здесь край,
Где платы не берут
За слово, кров и угощенье.

Край без пределов и границ
И откровениям не тесен:
Здесь крылья горделивых птиц
Слабей, чем крылья звонких песен.

Недаром песенная нить
И вдалеке, и по соседству
Смогла в веках соединить
Народ — с народом,
Сердце — с сердцем.

Да будет песнь твоя чиста
В любое утро или вечер —
И щедрость, дружба, доброта
Повсюду выйдут ей навстречу.

Ведь степь — гостеприимный дом,
Открытый и душе, и глазу.
Мы место каждому найдем,
Хоть целый мир явись к нам сразу.

И все же что такое степь?
Воспоминаньями согретый
Мой стих в движении окреп.
Пока искал ответ на это.

Я красотой ее пленен.
И дума раздвигает стены —
Как будто прихотливый сон
В явь переходит постепенно.

Мне в далях чудятся сады,
Раскинувшиеся туманно.
Вон одеваются в цветы
Когда-то мертвые барханы.

А где стелились ковыли,
Где от жары сникало слово,
Плынут куда-то корабли
По глади моря голубого.

Вон камышей зеленый ряд
Поднялся, заслонив овраги.
А в небе соколы парят,
А в травах тянутся сайгаки.

И зной не вяжет языка.
Да, знаю я, и знает каждый,
Что это все еще пока
Мираж — извечный спутник жажды.

Пока мираж...
Но ты терпи,
Не бойся дерзких начинаний —
И станут буднями степи
Картины нынешних мечтаний.

Возникнет новая краса,
С красою старою поспоря.
И отразятся небеса
В огромном рукотворном море.

Займется зарево труда
Как зарево второго солнца.
И города, и города
Вокруг поднимутся бессонно.

Не потускнеет синева.
В степи и ныне перед взором —
Сады, покосная трава,
Волнующиеся озера.

Поля, а не пустой мираж.
Ты с уваженьем посмотри-ка
На урожай богатый наш —
Подарок целины великой.

Простор наш
Зорями расцвел.
И, словно штрих живой картины,
Ложится на крыло орел,
Любуясь зеленью равнины.

Но крылья юных так смелы,
Так горячи и неустанны,
Что ниже их плывут орлы,
А ниже птиц — горят тюльпаны.

Миражи пятятся в пески
Под натиском крутым и стойким
А древние солончаки
Дорогу уступают стройкам.

И я пою родной простор,
Там нахожу я вдохновенье,
Где иностранцев до сих пор
Не покидает удивленье.

— Откуда новь пришла в пески?
— Что перед ней раскрыло дали?
— Каким оружьем степняки
Такую ширь завоевали?

И я спешу ответить:
— Зря
Поддались вы переполоху!
Свет ленинского Октября
Открыл нам новую эпоху!

Казахов породила степь.
И с давних пор хранимы степью
Казахи защищали степь
Дубинкой, пикою и плетью.

Одни — как будто шли впотьмах,
Другие размышляли грозно.
А птицы истины в сердцах
При свете солнца вили гнезда.

Казах ли, степь ли — суть одна,
Как говорят в любом народе.
Так правда мужеству равна,
Так степь равна самой свободе.

Серпу и Молоту равна,
Открыта для пристрастных взоров.
А Байконур и целина —
Два новых символа просторов.

Степи разгон особый дан:
И вот летит
Сквозь дни и ночи
Степь — птица, хлебороб, чабан,
Ученый, космонавт, рабочий.

Я с давних пор и до сих пор
Повсюду говорю об этом.
Мне майским кажется простор
Зимою, осенью и летом.

Мне эта радость по плечу.
И горд дорогами твоими
Я в час кончины прошепчу,
О степь, твое простое имя.

Мы вместе многое прошли,
Не просто сближены судьбою —
У сердца,
Словно горсть земли,
Я всю тебя ношу с собою.

Ай-хай-хай, песенная степь.
Здесь новое великолепье,
И новый труд,
И новый хлеб
Порождены Советской степью!

МОНОЛОГ В МУЗЕЕ И ВСТРЕЧА

«В краю, где были те сильны,
Чей тучный скот копытил дали;
Где шли по ветру табуны,
Где от ветров овец спасали;
Где, утверждая темноту
Любым поступком или словом,
Молились конскому хребту,
Молились вымени коровы;
Где в ливень
Первым мок бедняк,
Где волки выли по округе,
Где только пес Майлыйяк
Казаху оставался другом;
Где в седлах, брошенных в бою,

Весною гнезда вили птицы,—
В моем единственном краю
Свободы свет упал на лица,
Взошла над тысячью дорог
Мечта высокого полета.
Кто был
И сир, и босоног,
Добился ханского почета!

Но прежде там от сна восстали,
Где рабство гнуло бедняка,
Где был он вроде лоскутка,
Которым пыль с сапог сметали;
Где только черные деньки
Лаптями шаркали сурово,
Где вспоминали мужики
И Разина, и Пугачева;
Где спины распрямили те,
Кто были, как серпы, сутулы;
Где на пылающей черте
Зима на лето повернула;
Где правда каждому дала
И выси в царственной лазури,
И крылья гордого орла,
И натиск неуемной бури.
Я в той стране мужал и креп,
Где дух свободы вечно молод,
Соединив рабочий молот
С тобой,
Стальной крестьянский серп!

В моей стране — стране труда
Есть героизм рабочей пробы.
А слово «гений» иногда
Относится и к хлеборобу.

Палатки — на дыре дыра —
В музейных залах спят устало.
И, словно танки, трактора
Стоят в полях на пьедесталах!»

Не торопясь, чеканя каждый слог,
Мужчина завершил свой монолог.
Я заинтересованного взгляда
От незнакомца оторвать не мог.

Похоже, он не любит суэты,
В делах, похоже, не лишен размаха.
Не стар. Плечист.
Славянские черты.
Зато глаза — как есть глаза казаха.

Он знает ласку солнечного жара:
Знать, поработал на полях страны.
Обветрен вволю. Бронзов от загара.
И в темных прядках — иней седины.

Тогда, в Москве,
В большом музее смело
На ту палатку обратил он взор,
Что прокоптилась сплошь и обгорела,
Как будто чингисхановский шатер.

Ее брезент — не листовое злато...
Как решето, в отверстиях углы...
Над нею небо плакало когда-то,
Ее бодали ветры, что козлы.

Ее в степи, как волки, рвали люто
Голодные бураны зимних дней.
Темнеют пятна гари и мазута
Автографами времени на ней.

Вздохнул мой незнакомец
Не украдкой
И так заметил, стоя у стены:
— Палатка! Наша верная палатка!
Наш первый кров в просторах целины!

Он продолжал по-детски улыбаться.
И мне тогда подумалось на миг:
Такие люди — главное богатство
Степей, народов, всех сердец живых.

Нашлась для вдохновения причина,
Припомнились мне дни былой страды.
Я видел, озарялась грудь мужчины
Спокойным светом Золотой Звезды.

И я сказал стихам:
«Пора за дело!
Отсюда я вас к небу подниму!»
Потом к мужчине подошел и смело,
Без лишних слов представился ему.

Я понимал, что, видимо, не скоро
Сведут нас вновь различные пути,
И упросил его для разговора
На час-другой в гостиницу зайти.

Он начал так:
— А мы не забываем
Народа многочисленную рать?
Нет, вы пообещайте мне Тынбаев*
Героя вещи будущей назвать.

Ведь там, в полях, и без моей подмоги
Хлебов златые косы расплетут.

* Тынбай — целинник.

И эта вот Звезда — частица бога,
Которым я считаю общий труд.

А родом я из трудовой породы,
Нисколько не ценившейся в веках.
Такие вот, как я, в былые годы
Ходили только в «черных батраках».

Их обходили радостные вести...
Да, я крестьянин, я простой мужик,
Но и крестьянин, и мужик — советский,
Который все прошел и все постиг.

И я не только
Со своей страною —
Об этом с целым миром говорю.
Сегодня купол юрты надо мною
Встречает светом каждую зарю.

И сам я представляю серп чудесный,
Тот серп, что в государственном гербе.
Увы, мне не создать об этом песню,—
Она, поэт, по силам лишь тебе!

СЕРП СОЛНЕЧНЫЙ, СЕРП ЛУННЫЙ
Вы обратите-ка внимание
На узкий серп в гербе страны:
В нем солнца жаркое сиянье,
В нем блеск торжественной луны.

Он светит в наши дни тому,
Кто прежде ведал только тьму,

Кто вечно обливался потом;
Кто всяких бед хлебнул сполна,
Кто и за горсточку зерна
Платил бессонною заботой.

Того, кто выдумал вино,
И царь, и хан с ним заодно
Хвалили, напиваясь вволю...
Кто серп впервые отковал?
Ему ли было ждать похвал
От восседавших на престоле?

Я проникаю в толщу лет,
Мне главное понять охота.
Да, в чем-то серп —
Автопортрет
Большого мастера работы.

Серпу доверить мог бедняк
Свою печаль, свое сиротство.
Верчу я серп и так и сяк —
И вид его рождает сходства.

Склони-ка серп,
Склони сильней —
И явит он тебе картину:
Бредет крестьянин давних дней,
Над полосой сутуля спину.

Бредет, бредет из века в век.
Но наклони-ка серп немного:
В поклоне стынет человек,
Молитву обращая к богу.

Чем бог велик?
И чем он мал?

Недаром серп, взлетавший косо,
Крестьянину напоминал
Немой и вечный знак вопроса.

То — знак вопроса. То — Луну.
То — скорчившегося бродягу.
Тайл ли серп в себе отвагу?
Скрывал ли тайну не одну?

Да, серп трудился ранней ранью,
Сверкал, бывало, по ночам,
Чтоб беднякам — одни страданья,
А блага жизни — богачам.

В стране царили мрак и голод.
Но вот двуглавого орла
Ударом сверг рабочий молот,
Серпа зарница рассекла.

Движеньем к свету восхищен,
Но не забывший тех мгновений —
Наш серп на смену поколений
Глядит с развернутых знамен.

Глядит сквозь дни,
Глядит сквозь ночи,
Поднявшийся к большой судьбе:
Скрещен он с молотом рабочим
На государственном гербе.

КРЫЛЬЯ КРЕПНУТ В ОГНЕ

Рассказа интереснейшего нить
Держал он, мелочей не упуская.
А умолкал — то вновь разговорить
Не просто было этого Тынбая.

Он, как поэт, со словом обращался.
Знать, целина в минувшие года
Его любовью стала навсегда —
Его мечтой, бессонницей и счастьем.

А в голосе Тынбая и металл,
И мягкость, и горячность, и тревога.
Я сборники стихов своих достал —
И он над ними помолчал немного.

Не искушенный в песнях наших дней,
Читателем он строгим оказался,
Поочередно, словно бы коней,
Оседлавая русский и казахский.

Две речи мчались вдаль во весь опор.
Мне нравился целинник загорелый:
Видать, Его Величество Простор
Такого создал для большого дела.

И правда, на целинника взгляни:
Он, словно беркут, полон вышиною,
В глазах — на самой глубине — огни,
А волосы задеты сединою.

— Тынбай...
Да, это имя навсегда
Прославлено понятиями своими.
Я тоже степь будил, но не беда.
Что вы мое не назовете имя.

Я шел к заветной цели прямиком.
Ведь только в песнях слышишь про такое:
«Я нежно разбудил ее платком,
Чтоб не вспугнуть холодною рукою!»

Невесту-степь будили трактора.
И вот за многие века впервые
В ушах ее осенняя пора
Хлебов качнула серги золотые.

«Тот щурится, чей хан подслеповат»*,—
И ты меня прости за пафос праздный.
Твои восторги грудь мою теснят —
Лишь переломы кости не заразны.

Ты высоко меня, поэт, повел.
А между прочим, в отдаленном детстве
Крестьянский сын
Ни хлеб и ни престол,
Как некий принц, не получил в наследство.

Судьба хлестала плетью по спине.
Но вспоминаю прошлое без страха:
Любовь свела с людьми, любовь во мне
Смешала с кровью русской кровь казаха.

Отец был по-степному в меру строг,
А мать смеялась по-славянски звонко.
Кто знал, что среди множества дорог
Дорога бед подхватит октябренка?

Те дни несчастий — дни моей судьбы,
Припомню их — и снова не забыться.
Все началось с бомбежек, со стрельбы,
С людских потерь на западной границе.

Отец под Брестом
Пал в ночном бою,
Когда настали испытаний сроки.

* Пословица.

Бомбежка погубила мать мою —
Вот что такое плеть судьбы жестокой.

Немало повидал я на веку,
Но памяти моей на это хватит:
Ребенку, командирскому сынку,
Приют нашелся в белорусской хате.

Там я — еще беспомощен и мал —
Внимал словам о справедливой мести.
Старик, как птица, пищу добывал —
И кое-как мы с ним тянули вместе.

Старик напоминал мне без конца:
«Ты мне племяш — и все тут разговоры.
Но сам-то, милый, помни мать-отца,
Не забывай родимые просторы!

Я жил среди казахов в давний год:
Ни дружба им,
Ни жертвенность не чужды.
Да, этот щедрый и прямой народ
Владеет и серпами, и оружием.

Царил над каждым Николай Второй —
И проявлял он к подданным вниманье:
Ведь за любую правду той порой
Немедля полагалось наказанье.

Что ж, мы боролись за свои права.
И вот, законы царские нарушив,
Я сослан был к народу, чьи слова
Открыли мне его простую душу.

Да, ссыльные — особый сорт людей:
Страдая и от жажды, и от пыли,

Мы там учили грамоте детей,
Хлеба под солнцем яростным растили.

Мы жили там, одной мечтой горя,
Мы там вели
О братстве разговоры.
Но день настал — и после Октября
Покинул я казахские просторы.

И ты, племяш, мужайся и терпи!
Я свято верю, одолев преграды,
Вернешься ты в объятия степи,
Как я вернулся в отчий край когда-то.

Захватчики звереют на войне,
Грозя мальцу и старику седому.
Приказ такой: повиноваться мне,
Как в армии,— ведь ты же сын краскома!»

Так ограничил он мою свободу,
Чтобы вернуть мне главную свободу.
Меня, как рукавицы на груди,
Старик бесстрашно нес сквозь непогоду.

А я на все смотрел волчонком диким,
Я от тоски казался тихим-тихим.
Но часто просыпался по ночам
От слез или от собственного крика.

И мы молчали или говорили
О смелости, о слабости, о силе.
А сколько Пимен рассказал тогда,
Не знаю, то ли сказок, то ли былей.

Без них, поэт, я выжил бы едва ли.
Старик и в возбужденье, и в печали

Произносил казахские слова —
Они не раз мне душу исцеляли.

Старик событий прошлого касался.
Старик порою степняком казался:
Не только говорил, но и читал,
Но писал он часто по-казахски.

Старик ценил серьезность разговора,
Любил азарт затяжного спора.
Хоть было старику за шестьдесят,
Не растерял он юного задора.

«Живет в степи понятие «тамыр»—
Понятие, значительнее бога.
Тамыр — все, значит, общее:
И мир,
И корни, и надежда, и дорога!..»

Вот так старик вводил в употребление
Казахские слова и выраженья.
Вот так он мне почувствовать давал
Родной земли живое притяжение.

Так день за днем
Любовь будил в ребенке,
Любовь к одной-единственной сторонке.
И я, бывало, внемлю старику,
А сам — в мечтах — скачу на жеребенке.

Играю в асыки иль пиалу
Беру, чтобы кумысом насладиться.
Пускаю в цель звенящую стрелу,
Ловлю зайчат, тону в волнах пшеницы.

Прекрасен черноглазый верблюжонок,
Траву губами щиплющий спросонок.
Мне дедушка и бабушка мои
Шептали нежно: «Ах ты, верблюжонок!»

Их руки, словно древние дороги,
Тогда встречали внука на пороге.
Четыре года я гостил в степи,
Не зная ни печали, ни тревоги.

Еще мне вспоминалось по ночам
Отчетливо, настойчиво, жестоко,
Как волосы по маминым плечам
Стекают щедрым золотым потоком;

Как я бегу и худ, и смуглолиц;
Как я смеюсь в объятиях пьянящих;
Как мы с отцом для белок и для птиц
Бросаем крошки в полусонной чаще.

Отец водил сынишку в темный бор,
А посвящал его в степные тайны.
Как Пимен,
И отец считал простор
И солнечным, и вольным, и бескрайним.

Да, Пимен...
Он сближал с моей судьбой
Своих повествований изобилье:
Меня манил «Челюскин» за собой,
Влекли к высотам чкаловские крылья.

Но горем был отмечен каждый час,
Никто не знал того, что завтра будет.
То Пимен где-то пропадал, то нас
Вдруг посещали сдержанные люди.

Всегда — молчанье строгое храня,
Всегда — не скопом, а поодиночке.
И угощали сахаром меня:
Забыть ли эти желтые кусочки!

Да, лишь позднее я узнал, поверь,
Что нас — недолгой передышке рады —
Будили стуком в окна или в дверь
Связные партизанского отряда.

Когда я это все-таки постиг,
Моя душа возликовала немо.
Хоть за зубами я держал язык,
От счастья головой касался неба.

Взрослея в дни, что были так трудны,
Я относился к шалостям с опаской.
Я испытал все тяготы войны,
Открыв, что мир — не розовая сказка.

И потому-то строгий мой старик
При мне о многом говорил открыто.
Он верил мне, чтоб я и сам привык
Считать себя мужчиной и джигитом.

Мои советы принимал подчас,
Учил меня, как мог.
И оттого-то
Я был готов по знаньям в пятый класс,
Прожив у старика четыре года.

В степную даль неслась тоска моя,
Тонула птицей в сини небосвода.
Потом, как солнце из-за туч,
Свобода
Вернулась в белорусские края.

И, меченому горькою судьбою,
Мне не забыть волнующего дня,
Когда солдат усталый после боя
Надел свою пилотку на меня.

Мне звездочка ее казалась вестью,
Дошедшей от отца сквозь злую тьму.
Пилотку чести на почетном месте
Доныне я храню в своем дому.

А в тот победный день
Земля вздохнула,
На мирный лад настроится спеша.
Заботами далекого аула,
Уже тогда жила моя душа.

Я въ отдалась от поры тяжелой:
Красивая одежда, щедрый стол.
Да, поднялись, пока кончал я школу,
Немало новых городов и сел.

Кем стать?
Старик твердил мне: «Человеком!»
Я помнил как беда лишает сил.
Чтоб голод разминулся с новым веком,
Я и комбайн, и трактор изучил.

Старик твердил мне:
«За мечтою следом
Казахской стороны коснись крылом!
Порадуй там собой родного деда —
Орла просторы делают орлом!

Сейчас там и в ночи, и ранней ранью
Шуршанье зерен и машинный гул.

А это вот прими как завещанье!»—
И Пимен мне бумажку протянул.

Такое ли окажется забытым?
Сам назначая расставанья срок,
Седой стариk для юного джигита
Добыл родного деда адресок.

Глаза померкли... Руки похудели...
Казалось, Пимен знал наверняка
О близкой смерти — через две недели
Не стало в этом мире старика.

Когда его с почетом хоронили,
То и мужчины не скрывали слез.
Я каждый вечер приходил к могиле
Того, кто часть души моей унес.

Унес?
А может, сблизив с высотою,
Птенца чужого научил летать?
Еще ребенком стал я сиротою —
И вот потом осиротел опять.

Нет, я лесной сторонки не забуду,
Как в ней самой не буду я забыт.
И ныне возвращаюсь я оттуда,
Где спят отец и мать,
Где Пимен спит...

Тынбай на миг умолк.
А за окном
Флаг с молотом и трудовым серпом
Алел, струясь, над строгим Мавзолеем,
Над храмом Покрова и над Кремлем.

Я, зная, как с дорогами войны
И жизнь, и смерть бывают сплетены,
Сидел перед Тынбаем, словно к стулу
Притянут был ремнями у стены.

И гость, мою взволнованность ценя,
Опять взглянул с улыбкой на меня:
— В том знаменитом Пятьдесят Четвертом,
Бураном степи встретили меня!

КРАЙ ЦЕЛИННЫЙ, КРАЙ РОДНОЙ

Да, степи встретили меня бураном.
Такая в нем озвученность была,
Как будто волки выли неустанно
В краю, лишенном света и тепла.

Но голоса звенели окрыленно.
Но был народ гостям усталым рад.
Приезжих, помню, прямо из вагонов
Аулы разбирали нарасхват.

— Все было так!
Но погоди чуть-чуть.
Я книгу друга взял с собою в путь.
Прочти хотя бы первые страницы —
Глядишь, еще припомним что-нибудь!

... Лишь тот,
Кто в дни войны сполна
Познал победы и лишенья,
Мог подтвердить, что целина
Подобна фронту наступленья.

Тогда задания свои
Мы получали на вокзале.
В Кзылжаре ждали нас бои,
В Карое ждали и в Акжале.

Бои с природой... Не могу
Сейчас припомнить все заботы.
Но вязли трактора в снегу.
Как танки некогда — в болотах.

Бодал нас ветер день и ночь.
И по его свирепой воле
Палатки уносились прочь,
Как будто перекати-поле.

Буран, безумства не тая,
Ревел:
«Делишки ваши плохи!
Дымку оседлого жилья
Не пересечь моей дороги!

Здесь, у безлюдья на посту,
В гульбе, не знающей преграды,
Я горы снега намету
И вас засыплю без пощады!

Никто не разбивал здесь стан,
Хоть каждый оставлял могилы!..»
Порой ослабевал буран,
Но ветер не лишался силы.

Но ветер выл:
«Опять, опять
Мне здесь хозяйничать открыто —
Подол ли девушке трепать,
Ушанку ли сорвать с джигита!

То просто так я мчусь впотьмах,
То не даю огню покоя.
То плачем нагоняю страх,
То заунывным волчьим воем.

Во мне исток буранов, вьюг.
Я, если захочу, сумею
Всю зелень извести вокруг
Дыханьем знойных суховеев.

Хоть семь потов сойдет с людей —
Им не увидеть урожая,
Коль грянет летом суховей,
Колосья насмерть поражая...

Мою ты жажду ощущишь,
Как дали эти, небо это!
С миражами заговоришь —
Бессилен с самого рассвета.

Ведь здесь друг друга
В час беды
И родичи самозабвенно
Губили за ведро воды
Или за клок гнилого сена.

Здесь голод правил,
Гнет царил.
Вот я дохну сейчас сурово —
И распри встанут из могил,
И дух вражды воскреснет снова!..»

Атака снежная лиха.
Но из сомкнувшихся сугробов
Вдруг раздается:

«Ха-ха-ха!
Подумаешь, какая злоба!»

Тянулись распри сквозь года.
Но ставшая для нас помехой
Сникает давняя вражда
Перед веселым нашим смехом.

Ха-ха-ха-ха!
Буран, ярись,
Сугробы наметай до неба!
Где снег горой взметнется ввысь,
Там летом встанут горы хлеба!

Ты, ветер, очень уж ретив
И тороплив в своем полете.
Но нам, однако, твой порыв
Нередко помогал в работе.

Трудами добиваясь прав
На новые труды и цели,
Мы ураган за буйный нрав
Не заклеймили, а воспели.

Ты, ветер, петушишься зря!
Кто без тебя как бы спросонок
Качнет тюльпаны и моря,
Сады и локоны девчонок?

Бушуй же, ветер, все сильней!
Пусть гнутся трусы, свисту внемля!
Пусть рвется сеть гнилых корней!
Пусть рушатся дубы на землю!

Пусть суховеев знойный лёт
Возникнет в облачном прищуре!

Верблюда жажда не сожжет!
Коня не остановит буря!

И пусть твой поцелуй горчит,
Пусть мы живем, тебя не видя,—
Какой отчаянный джигит
За это на тебя в обиде?!

Буран безумствует порой,
Жара объемлет молчаливо.
Буран с жарой,
Как брат с сестрой,
Зависят от твоих порывов.

Да, ты стремителен и лих.
Но попусту гневясь нередко,
О ветер, ты в речах своих
Не клевещи на наших предков.

В том их беда, а не вина,
Что всюду раздавались стоны.
Другие были времена —
Другими были и законы.

Жирел богач другим на страх.
А бедняков лишенья гнули.
Губили бедняков в степях
Дубинки, пики или пули.

И мы сквозь наслоенья лет
Былого принимаем вести.
Воскреснет храбрость давних лет,
Вражда — вовеки не воскреснет!

Пусть колкий снег стремится ввысь!
Пусть белые метели пляшут!

Мы, ветер, здесь,
Чтобы сбылись
Мечты отцов и дедов наших!

Мечты о том, что не пропасть
Всему народу от ненастя.
И ныне каждая напасть
Сама страдает от напасти!

Народов одиноких нет.
Нам, словно женщина, природа
Лукаво подает совет:
«Я лишь на мужество в ответ
Забуду про свою свободу!»

Природа рада в новый век
То привнести, что прежде было.
Но человек есть человек —
Куда уйдешь от мудрой силы?

И мы за прадедов, поверь,
В расчете с тем, что было прежде.
В степи прописаны теперь
Дерзанья, равенство, надежды.

За бедняков, за соль земли
Воздали голоду сторицей:
Там, где качались ковыли,
Стеною поднялась пшеница.

Шумят, горды своей судьбой,
Шумят, горды привольным краем.
И солнце в выси голубой
Плынет целинным караваем.

Садам здесь расцветать пора,
Клониться под румяным грузом.
Резвись же, ветер!
Пусть жара
И сам буран с тобой в союзе!

Свисти, запугивай и вей!»
Что значит ветер в наши годы
Для дочерей и сыновей
Сплоченных дружбою народов.

Здесь люди за права свои
Не в сновиденьях, а воочью
Вели с природою бои
Без передышек — днем и ночью.

Ревела снежная пурга,
Смешав закаты и рассветы.
Смеялись люди: «Ха-ха-ха!»
И им внимала вся планета.

С земли рвались палатки ввысь
Неровным хлопающим строем.
Здесь трусы новые нашлись
И новые нашлись герои.

Здесь были жертвы тех трудов.
Что только мужеству под силу.
Здесь в окружении садов
Возникли свежие могилы.

Так началась в степи страда
В победах, в дерзости, в печали.
От Миллиарда нас тогда
Не дни, а годы отделяли...

Тынбай вздохнул, сутуясь над страницей.
Он помнил те бураны, те зарницы,
Тот вдохновенный труд.
И все ж сейчас
Он чем-то новым смог обогатиться.

— Да, снег для нас тогда, как для скитальцев,
Подстилкой был,— целинник произнес.—
Мы, о железо обжигая пальцы,
С ресниц тайком сшибали льдинки слез.

Легко читать и вспоминать об этом —
Стоят на полках книжные ряды.
Теперь легко, поскольку что ни лето —
Мы с Миллиардом попросту на «ты».

Весною зелена еще пшеница,
А к осени желтеет в забытьи.
Свистят в лугах бесчисленные птицы,
Поют в садах хмельные соловьи.

Вспахать поля — как сбросить одеяло
С пространства, подобравшегося вдруг
И степь в такое время
Блюдом малым
Лежит, темнея буднично вокруг.

Да, степь любую видеть довелось мне.
Вот подойдет осенняя пора —
И в золоте лучей, огней, колосьев
Ползут и днем и ночью трактора.

Комбайны движутся в слепящих звездах
По шире хлебных, вызревших равнин.
Не так ли танки наступали грозно
В прямых потоках света — на Берлин?

Штурм целины
Мы начинали с жаром,
Хотя и тосковали в годы те
По девушкам, по ровным тротуарам,
По чистой, щедро льющейся воде,

По легким снам, по беспечальным думам,
По вечеринкам в дружеских домах.
А галстуки, рубашки да костюмы
Лежали в наших пыльных вещмешках.

Потом пришел достаток, как повсюду,
Пришло признанье нашей высоты.
Но до скончанья дней я не забуду
Своей целинной — первой! — борозды.

Она связала грудь степи со мною.
Она, сжимая сердце с той поры,
Поет во мне, звучит во мне струною
На новый лад настроенной домбры.

В то лето каждый день —
Буквально каждый! —
Дышали зноем небо и земля.
Как губы, что растрескались от жажды,
Бесплодно сохли серые поля.

И даже осень стала нам помехой
В тот болью отзывающийся год:
Топорщились колосья из-под снега,
Как шерсть овец, погибших в гололед.

Стремились мы к одной великой цели,
Уменьем, верой запасались впрок.
Пока же что собрали, то и съели —
Еще не вышел урожаю срок.

Пока же, критиканствуя с охотой,
Ворчун не хлеб — сомненье высевал.
И в чем-то кое-кто винил кого-то,
И некто за границей ликовал.

И годы шли,
То вновь маня бураны,
То вихрями горячими пыля...
Стихией золотого океана
Захлестнута сегодня мать-земля.

Сегодня мы с надеждой смотрим в дали,
Где прежде бился только вой пурги.
Воскресни вдруг — забыл бы о печали
Скиталец и поэт Асан-Кайги.

Да, к деду я явился честь по чести.
(Где был аул, подняться город смог.)
В дому у деда на почетном месте
Висит ржаной и черствый кренделек.

Спроси:
«Зачем сухой комочек хлеба
Висит на стенке?»
Дед ответит так:
«Давным-давно над знайным нашим небом
Всерьез разбогател один бедняк.

Он на виду на память о скитаньях
Разбитые повесил башмаки.
А мне вот служит хлеб напоминаньем
О трудных днях, что ныне далеки.

О смерти тех, кто не терпел обмана.
В краю, презревшем божью благодать,

Хлеб был необходимое корана —
Казахам ли об этом забывать!

Да, хлеба у страны сегодня вволю,
И все же он — особенной цены.
И все же преступленье, если в поле
Пасутся, скажем, наши табуны...

Подчас, как золотые украшенья,
Зерно и колоски заносит пыль...»
Умолкнет дед всего лишь на мгновенье
И вспомнит то ли сказку, то ли быль.

«Давным-давно в разгаре дня сухого,
Когда вся степь мечтала о воде,
Спросил усталый странник у святого:
«Есть счастье или нет его нигде?»

«О, человек,— святой ответил кротко,—
Иди за счастьем и в грозу, и в тишину,
Пока стальные не сотрешь подметки,
В иголку посох свой не превратишь».

Без посоха, босой — и в час ненастия
Скитался странник до недавних пор...
Да, нелегко дается людям счастье!»—
И дед на том закончит разговор.

Но древнему преданью, между прочим,
Во мне звучать и повторяться впредь.
Замри Земля — легко сомкнутся ночи,
Померкни Солнце — зорям не алесть.

Да, наш народ искал веками счастье,
Сквозь время шел и в холод и в жару.

«Нашел!»—

На все лады об этом часто
Поет он под кобыз и под домбру.

Степь приняла в себя мои страданья.
Хоть сердце давней болью сведено.
И я, Тынбай ваш, там нашел призванье,
А может быть, меня нашло оно.

Вот жизнь свою открыл другому
вкратце я —
И правда открывалась вместе с ней.
А если правда — это агитация,
То я... я агитатор наших дней.

Ставь точку! Что еще поэту надо
Знать о герое? Кто его жена?
Так вот: она в войну из Ленинграда
Была ребенком в степь привезена.

Сирот в степи кормили и поили,
Сирот, видавших кровь, жалели тут...
Два наших сына Бименде и Пимен
В семье на радость прадеду растут.

С утра минувшим летом

Не случайно

Мы выходили из дома втроем.

Шагали широко в дверной проем —
Три штурмана трех кораблей-комбайнов.

Пора мне!

Может встретиться слу́чай:

Теперь и даль — не в дальней стороне.

Теперь нередок гость из-за границы —

Богатые столы на целине!

Закончил я своё повествованье.
Что для себя, поэт, ты в нем нашел?—
Тынбай не стал затягивать прощанье,
Как ввысь, на волю, рвущийся орел.

Он от меня ушел к исходу дня,
Но все сидел я, голову склоня.
И все казалось мне, что ввел в поэму
Не я Тынбая, а Тынбай — меня.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Седеет Алатау, золотится:
То в марте снег,
То в марте дождь идет.
Но, кажется, Дворец алмаатинский
Весна не покидает круглый год.

Горят ладони от хлопков могучих:
Здесь собрались — на целый мир видны —
Орлы степные, лучшие из лучших
Работников Великой Целины.

Их плечи помнят тяжкий груз свершений,
Оставшихся сегодня позади.
В сердцах их — жар заветных откровений,
Загар — на лицах, звезды — на груди.

Цветы повсюду торжеством весенним.
Но ты в глаза целинников взгляни:
В них праздничность,
В них гордое волненье,
В них счастья настоящего огни.

Здесь люди жесткой полевой науки,
Чья сдержанность трудом предрешена:
Ведь через их мозолистые руки
Идет поток целинного зерна!

Здесь люди богатырского размаха.
Любой из них немало испытал,
Но, хоть не знал усталости и страха,
Пугается почета и похвал.

Среди отважных я узнал Тынбая.
Простым словам заслуженных людей
Внимал он, поздравленья принимая
Страны своей и партии своей.

Что в мире чище и дороже хлеба?
И тем навек страна моя горда,
Что хоть всего на свете выше — небо,
В ней выше неба — Человек Труда.

Где встарь дрались за землю и за воду,
Сегодня ликовал огромный зал
И с благодарностью перед народом
Глава народа голову склонял.

Спасибо, край,
За то, что миллионы
Великою байгой увлечены.
Спасибо беззаветным, окрыленным,
Бесстрашным космонавтам целины!

Спасибо всем, мечтающим о чуде!
Спасибо тем, кто стал сегодня сед:
На целине сейчас повсюду люди,
Сады, леса, аулы — юных лет!

Спасибо вдохновенным коммунистам!
Они и в трудный час, и в грозный миг,
Метельной ночью
Или в полдень мглистый
Светили нам огнем сердец своих.

В заботах, в непрестанной круговорти
К любой душе они нашли пути.
Они из тех, кто даже личной смертью
Старался пользу людям принести.

Ну, разве же мы победить смогли бы,
Когда б нас ширь сама не позвала?
Тебе, родная степь, сто раз спасибо
За урожай, за славные дела!

Ой, степь ты,
Степь моя в цветах и травах!
С чем, степь, тебя сравнил счастливый сын?
Какое имя даст тебе по праву,
Тебе, достойной многих именин?

Меня, как мать, ты пеленала туго,
Вела сквозь зной
В удущливой пыли.
Да, ты к тому ж была моей подругой!
Да, дорог мне и ком твоей земли!

Да, символ ты невиданных размахов!
Да, я живу, судьбу твою любя!
Твой гул — как будто топот аргамаков,
Влекущих в дали звездные тебя.

Отважной птицей сокола недаром
Назвали мы, пленяясь высотой.

Красавиц — феями, коня — тулпаром,*
Любовь свою — крылатою мечтой.

Родной простор мы называем степью.
Хоть глуши когда-то называли степью,
Она казахам матерью была,
До срока оставаясь спящей степью.

И вот орлов обходит в небосводе,
Не опасаясь никаких погонь.
Ну, с кем теперь
Сравнится степь в полете:
Ведь даже конь крылатый — только конь...

С тулпаром, правда, все-таки сравниться,
Пожалуй, смог бы край наш — сам крылат.
К тому ж колосья вызревшей пшеницы
На нем, как сбруя, золотом горят.

Я любовался степью на рассвете,
Я слышал, как звенели серьги рос,
Когда хлеба еще нежаркий ветер
Трепал, как пряди девичьих волос.

«Мой Акбакай быстрей коня любого!
Нет девушки красивей, чем моя!»
Так пели встарь, поют и будут снова
Петь, глядя на привольные края.

Люблю степи сравненья подбирать я.
Но рядом с ней останутся в веках
Из всех находок наших два понятия,
Два слова — «материнство» и «размах».

* Тулпар — крылатый сказочный конь.

Кто щедрости степной назначит цену?
У неизбывной жизни на посту
Все матери всесильны, все священны,
Даруя взлет, любовь и доброту.

Мы, степь,
Твои бесчисленные дети,
Тебе нас и кормить, и поднимать.
Недаром мать счастливей всех на свете
Не от похвал, а оттого что — мать.

Мать! Нового не дать определенья
Вершине той, что всюду на виду.
Но буду для степи искать сравненья —
Пусть и умру, едва лишь их найду!

Пусть ими без того сейчас богата
Ты, степь, что стала и моей судьбой.
Твоя орлиность в том,
Что ты крылата,—
Но где орлам угнаться за тобой!

СЕЛЬ

1

Тысяча девятьсот семьдесят третий год.
Пятнадцатое июля.
Воскресенье.

Тысяча девятьсот семьдесят третий год.
Пятнадцатое июля.
Воскресенье.

Тот год,
Тот месяц.
То число.
В сиянье солнечного света,
Казалось,
Землю сотрясло...
Кто мог предвидеть это зло?
Кто мог смирить безумье это?

Тот месяц.
То число.
Тот миг.
К тому, что ты,
Отчизна, помнишь,
Добавь еще и этот миг!
Не забывай про этот миг
Ни днем,

Ни вечером,
Ни в полночь!

А ты,
Моя Алма-Ата,
Диви цветением планету.
Но ты,
Моя Алма-Ата,
Надежней всех запомни это.

В своем труде,
В своей судьбе
Людскою дружбою богата,
Ты, словно исполин в борьбе,
Вновь обнаружила в себе
И страсть, и мужество солдата.

Поднявшись грозною порой
В бой
За живого человека,
Ты встала за него горой
И проявила силу века.

Вдаль не потянутся теперь
Гробы
Кирпичной кладкой ада...
Ты мне, Алма-Ата, поверь,—
Честь, вдохновенье и отрада!

2

Июнь прошел,
В лучах горя,—
Июль дохнул жарою в дали.
Пока листки календаря
Неторопливо опадали.

Часы рабочие пока
Тянулись днями без разбега.
В горах — и то ни ветерка,
Ни горстки слипшегося снега.

А в кабинете — как в парной,
И галстук — петлею аркана.
Все тучные в палящий зной,
Страдая, дышат, как вулканы.

Где белых ливней благодать,
Снимающая жажду сада?
Когда листве затрепетать?
Когда к цветам сойдет прохлада?

Лишь по арыкам мчит вода,
По их расчетной паутине.
Да у фонтанов, как всегда,
Смеются дети беспрчинно.

И хоть от зноя небеса
Стеклом растрескаться готовы,
Меня Алма-Аты краса
В который раз волнует снова.

Березы
И карагачи
Застыли воинством зеленым.
В оврагах
Горные ручьи
Проносятся
С бодрящим звоном.

Быстры, сверкающи, легки,
Машины мчат,

Теряясь в лете,
Как мраморные коробки
В своем
Пестрящем многоцветье.

Но мир, устав от духоты,
Ждет вечера, как исцеленья.
Похожи люди на цветы,
Цветы, обретшие движенье.

И краны рядом и вдали
Вздымают клювы к небосводу —
Так у колодцев журавли
Бадьями поднимают воду.

Алма-Ата
За мигом миг
Растет и днем,
И среди ночи.
Наверно, Головной арык
Об этом весело лопочет.

И люди вправе тем гордиться,
Что мир распахнут перед ними,
Что носят ленинское имя
Дворец и улица столицы.

Та улица, что коридор,
Уходит в зелени к Медео.
И к небу, как гряду опор,
Она дома свои воздела.

Та улица спешит вдохнуть
Прохлады свежей,
Снежной,

Лучшей.
Та улица — как Млечный путь,
Когда глядишь с вечерней кручи.

Сейчас заржавели слегка
Вершины, стынущие немо —
Как будто горные снега
Ушли с них в облачное небо.

И льдины вечной чередой,
Как свечи, оплывают споро.
И грозно полнятся водой
Обычно смирные озера.

И размышляет Туюксу,*
Как бы обиде давней вторя:
«Сейчас в горах я, но внизу
Сумею оказаться вскоре...»

За поведеньем льдов и вод
Следят посты у круч отвесных.
И над горами вертолет
Кружит, как мотылек железный.

В эфир летит за вестью весть.
И главная сейчас недаром
Такая:
«Осторожно! Есть
Угроза селя и пожаров!»

Но все покоем дышит впрок.
И лишь одно заботит город:
Когда ж вернется ветерок,
Ушедший за прохладой в горы?

* Туюксу — горное озеро, букв. «Замкнутая вода».

Ущелье свежестью влечет.
Беды не чувствует народ:
Ведь Малая Алмаатинка
Всегда как будто бы не в счет.

Подумаешь, велик размах!
Но вниз летит река
Скачками,
То — колотясь о каждый камень,
А то — в бетонных берегах.

Обвал негрозный? Ледники?
Или еще случилось что-то?
Откуда в серебре реки
Извивы ржавого налета?

Быть может, ливень отшумел,
В горах выдаивая тучи?
Нет, ясен перевал Кунбел,
Манящий в голубые кручи.

Но вот со стороны вершин,
Вознесшихся в спокойном свете,
Подходит караван машин...
С каких прогулок едут дети?

Тот улыбнулся в этот миг,
Другой — задумался украдкой.
Но кто действительно постиг
Кочевья странного загадку?

Где дети —
Луч ложится прям,
Ручей прохладный речь заводит.
Смеются дети — к ясным дням,
А плачут, — значит, к непогоде,

Да, дети всюду и всегда
У нас, у взрослых, на примете.
И если близится беда,
Пронзает первой мыслью: «Дети!»

Я сорок первый не забыл:
Мы в пламени, губившем дали,
Детишек вывозили в тыл,
А следом — сами отступали...

Сегодня школьные пороги
Опять пустынны — лето длится.
Куда машины мчат?
Тревоги
Не различить на детских лицах.

Но строго смотрит ребятня:
Ведь мир берез и стройных сосен
В разгаре солнечного дня
Оставить нынче привелось ей.

— Гляди, вывозят лагеря! —
Негромко догадался кто-то.
Молчало небо, но не зря
Догадку подхватили с лету.

«Сель!» — слово, тихое пока,
Но дальним эхом силу множа,
Слетело ль где-то с языка
Или почудилось прохожим?..

Оно в квартирах и в садах
Смятенье вызвало едва ли.
И голуби на площадях
Все так же мирно ворковали.

Детишки бегали, резвясь,
Влюбленные прельщались тенью.
Все знали, что в горах сейчас
Ликуют запахи цветенья.

Абай,
Как песня в вышине,
Застыл
На пьедестале крепком.
Ах, лучше
Просто жить в стране,
Чем быть ее великим предком!

Слеза — живая благодать!
Чем так стоять
Безмолвным камнем,
Уж лучше, не родясь с веками,
Смеяться, плакать, ликовать!

Уж лучше вихрем бы
Сейчас
Развеять духоту погоды,
Чем выставленным напоказ
Недвижно всматриваться в годы.

Но ты, учитель,
Полон сил,
И даже
Камень твой — цветенье!
А все,
Что здесь я говорил —
Плод моего воображенья.

«Тот свет» для нас —
Золе под стать

В костре, потухшем на рассвете.
Литфонда тоже, так сказать,
Не существует «на том свете».

Там ни красавиц, ни вина,
Ни воздуха степного нету.
И лишь земная жизнь дана
Для воспевания — поэту.

Я «на том свете» не пойду
На хлопоты о быте гладком:
Мне лучше вольно жить в аду,
Чем в сладостном раю — с оглядкой.

Вот почему я отдаю
Тем, кто сейчас со мною вместе,
И дар свой, и мечту свою,
И в сердце вызревшие песни.

Высок поэта пьедестал!
Так стой, Абай, на пьедестале,
Чтоб отовсюду стар и мал
К тебе и шли, и приезжали.

Стой.
Высота есть высота.
И не с нее ли утром рано
Поэту видно неспроста
Все — от долин до океанов.

А если так, то в этот миг
Узнай, учитель, в самом деле,
Что там за гул в горах возник
И о каком толкуют «селе»...

Стрелою, выпущенной в цель,
Булыжником, свистящим смело,
Коротенькое слово «сель»
В наш Дом Правительства влетело.

Влетело, словно это вдруг
Камчой хлестнул с размаха кто-то.
Влетело, обгоняя звук
Прямого своего полета.

Влетело, обгоняя вздох,
И мозга спешную работу,
И жест, которым бы я смог
Смахнуть с висков росинки пота.

Влетело, сохраняя пыл
Всех разрушений, всех пожарищ.
«Сель!» — сокрушенно повторил
Склоненный над столом товарищ.

И сердце у него в груди
Забилось птицею в смятенье.
И в мыслях на его пути
Возникло давнее виденье.

...Стынет город подобьем скелета.
Всюду страшных ударов приметы.
Раскатились, как бусы планеты,
Недозревшие яблоки лета.

Стали улицы выглядеть странно —
Как полопавшиеся арканы.
На строениях — свежие раны.
Кирпичи — грудой зерен багряных.

Там, где раньше гнездились прохлада,
Не осталось ни листьев, ни сада.
Мимо зданий, не ждущих пощады,
Как плоты, проплывают ограды.

В мутных водах, крутящихся тупо,
Отражается солнце не скруто.
А в домах, во дворах и в садах
Столько обезображеных трупов...

Может быть, это девичьи косы
Зацепились за дерево косо?
Мусор... Вещи...
А может, лоза
Так похожа на девичьи косы.

Гуси, куры и утки — как точки,
А ослы — валунов череда.
Белоцветы и пуха комочки —
Будто пеной одета вода.

Шустрый
И худощавый ребенок,
В темноте уцелевших сеней,
Поразившись,
Услышал спросонок
О потоке воды и камней.

И подумал мальчишка далекий
Тех,
Очнувшихся в памяти дней:
«Эх, смирить бы
Шальные потоки,
Как стремительных диких коней!» .

Утром свежим, безоблачным, ранним
Он запомнил коварство судьбы.
Он запомнил и плач, и стенанья,
И гробы — за гробами гробы.

«Если враг тебе вцепится в глотку,
То в сапог тебе вцепится пес».*
Бед хватало. Но сель, как находку,
Много новых с собою принес.

За минуты убавился город,
Захлебнулись арыки песком.
И петлявший до этого голод
Стал повсюду ходить прямиком.

Но и в то беспощадное время,
Намечая к грядущему нить,
Большевистское гордое племя
Замышляло стихию смирить.

А чтоб мы не забыли невзгоды,
Не забыли о бедствии том,
В центре города долгие годы
Стыла глыба размерами с дом.

Стыла, меря иные заботы
Горькой мерой умчавшихся дней.
Глыба, глыба...
Убрал ее кто-то,
Не увидевший символа в ней.

Но она,
Как поэма Таира,**

* Народная пословица.

** Таир Жароков — известный казахский советский поэт, автор поэм «Поток» и «Укрощение потока».

И кому-то, и мне, и тебе,
И всему необъятному миру
Говорила о нашей судьбе.

Это здесь мы
В минувшие сроки
Сель и голод смогли обуздать!
Земляки!
О, какие же сроки
И какая вам память под стать?

...И собранный, и деловой,
Как беркут в тяге к небосклону,
Руководитель — он с Москвой
Вел разговор по телефону.

— Сель! — посмотрел в окно он, строг.—
Сель напирает на плотину,
Хоть преградить Медео смог
Путь грязекаменной лавине.

Да, да, плотина.
Наугад
Не стану утверждать до срока.
Но полстолетия назад
Слабее был напор потока...

Сейчас закон вступил в права:
Все для нее,
Для той преграды.
Коль средства выделит Москва,
Конечно, мы им будем рады.

Хотя и средства есть у нас,
И техника, и наши люди...

Мы каждый день...
Что?
Каждый час
Докладывать?
Конечно, будем!

...Казалось, неминуемое горе
В тумане черном двигалось на город.
Окно Большого Дома распахнув,
Руководитель всматривался в горы.

Ох, как недобры серые отроги!
Однако, солнце на вершинах строгих
Сверкает, как на лезвиях мечей,—
И нет на мирных улицах тревоги.

Тревоги нет.
Так пусть всегда хранится
Людьми, чьи устремления чисты,
Покой невесты, матери, столицы —
Покой единственной Алма-Аты!

Пусть грохот
Слов привычных
Не потушит,
Пусть грохот
Снов девичьих
Не нарушит.
Пусть будет грозный селевой поток
Лишь на плотину крепкую обрушен.

Стоит Руководитель у окна
И думает, невольно холдея:
«Пусть спросят с одного меня сполна,
Коль этот сель прорвется за Медео...»

Но он не вправе поддаваться страху,
Как ни был бы встревожен и устал:
Недаром новый век делам аллаха
Дела людей противопоставлял!

Он здесь солдат.
Он здесь правофланговый.
Пусть тяжело, но вдаль и вдаль иди:
Как видящий все спуски и подъемы,
Обязан он держаться впереди.

Мой стих!
О героическом размахе
Подчас легко судить со стороны.
Легко, мой стих,
Принять за чувство страха
Тревогу о судьбе своей страны.

И мелочь может стать
Проблемой важною:
Так губят гору ливни и ветра...
Я знаю, что по-разному на каждого
Влияет та же самая пора.

Героя вдаль и вдаль ведут упрямо
И ум, и долг, и знания, и труд.
Но на какой большой равнине
Ямы
Идущего вперед не стерегут?

Мы все
С одними доброго добрей.
К другим, глядишь, относимся похуже.
Что ж, люди мы.
А веет от людей
Порою теплотой, порою — стужей.

Одни смеются
Сдержанней других,
И радуются
Сдержанней других,
И спорят тоже
Сдержанней других,
Не закипая гневом
В тот же миг.

Я ничего не делал втихомолку:
Случалось грома больше, чем дождей...
А иногда смотрю свирепым волком
На малосимпатичных мне людей.

Мечтать, я знаю, никогда не поздно —
Я знаю, что опаске вопреки,
Идут здоровью нашему на пользу
Прямые разговоры по-мужски.

Ходьба и праздничное настроенье —
Бывает ими сердце спасено.
И все же иногда, прошу прощенья,
Ругнуться для разрядки не грешно.

Мы ссоримся,
Приходим к соглашенью,
Кого-то избегаем неспроста.
Лишь ангелу дано в своих решеньях
Восьмидесяти угодить из ста.

Те радоваться, эти огорчаться
Всегда готовы, нарушая тишину.
Хоть волосок ты
На две равных части
Разрежь продольно* — всем не угодишь.

* Народный символ высшей справедливости.

Я с некоторых пор об этом знаю.
Хороших — большинство,
Но как на грех,
Когда неплохо всем, то негодяю
Совсем неплохо тоже среди всех.

Среди речей, богатых откровеньями,
Немало сладкой пены иногда.
Меня и то иные чтут за гения,
Пока в дому вино им и еда.

Крыло любое утомиться может,
Мудрец любой оговориться может,
Любой скакун
В степи споткнуться может —
Ничто природу превзойти не может

Любая трудность — впору человеку.
Хоть с кем сравниться — впору человеку.
Аллаху, что лишил меня отца,
Не доверяю — верю человеку.

Меня, понятно, мучает тревога,
Когда похвал вокруг не слишком много.
Но заслужить в народе слово «свой»
Нет выше и значительней итога.

Читатель мой! Прости меня заранее,
Коль что-нибудь не так в моем признании.
Но говоря о ком-то: — «Человек!» —
Я знаю, в мире нет достойней звания.

Уносят крылья в небо голубое,
На равных славят землю сталь и мел.
Тот навсегда

В долгу перед судьбою,
Кто имя детства сохранить сумел.

Оно тебе родней всего в итоге,
Оно важней, чем собственный успех.
Быть соловьем — пленить искусством
многих,
Руководить — снискать доверье всех.

Орел вовек
Не гнал лису, как ветер,
А пес вовек над степью не парил...
Руководить — быть на земле в ответе
За грозные дела «небесных сил».

Быть за буран и за жару в ответе,
Быть за волков и за овец в ответе.
Не только лишь за мертвых и живых —
И за потомков тоже быть в ответе.

Но что там спрос любой,
Коль, может, скоро
Тут будут жертвы страшные, людские...
И принял человек на плечи гору
Таких забот, что укротят стихию.

Простят ли нам Иссык и вся округа
Лишь вздохи в память прежней красоты?
Забыть ли, как швыряли мы друг в друга
Пригоршнями сверкающей воды?

Иссык отвеку влагой чистой, пресной
Сиял нам, словно горная роса,
Как в чаше ртуть,
Как бриллиант на перстне,
Как ласковой красавицы глаза.

Домброй для нас звучал он еле-еле,
Лучи в напев вплетая в вышине,
В спокойной глади повторялись ели:
Корнями — вверх,
Верхушками — на дне.

Косицами к нему свисали ивы,
В нем небеса тонули, высоки.
На отраженных елях молчаливо,
В нем облака белели, как платки.

Здесь лодки с удивителью смелостью
Спешили зорь коснуться золотых.
И старости, и юности, и зрелости
Открыто было озеро Иссык.

Здесь лебеди, как сказочная небыль,
Задумчиво скользили по воде.
И солнце плавилось в высоком небе,
Как будто шкварка на сковороде.

Да, сель былого захлестнул сознанье...
С той влагой, что всегда была чиста,
Десятилетней давности свиданье
Руководитель вспомнил неспроста.

Помедли он немного
В отдаленье,
Не повидал тогда бы
Вод живых.
Помешкой он у озера
Мгновенья —
Кто знает,
Сам остался бы в живых?

Иссык сегодня дремлет одиноко
И годы, и недели, и часы.

Иссык на мир глядит потухшим оком —
Без света, без привета, без слезы.

Сель расплескал естественную чашу,
Сверкавшую водой немало дней.
Со временем былая гордость наша
Все мертвенней, все суще, все черней...

Да, в памяти поспешно пролетели
Недобрые деяния судьбы.
Сегодня вновь услышали о селе —
И город весь поднялся для борьбы.

4

Мчится шалый поток.
Мчится алый поток.
Как руками, жесток,
Катит камни поток.
Он — клубок сцепившихся драконов.
Он — клубок взъярившихся драконов.
Он — клубок катящихся драконов.
Он — клубок грозящихся драконов.
Он не рево ли
Блещет лез-ви-ем?
Из-ви-ва-ет-ся.
Рас-те-ка-ет-ся.

Он запомнил, скор,
Кручи снежных гор.
И живет внизу
Мощью Туюксу.
Летит со скального плеча,
Летит, слепя и грохоча,

Поток на радость валунам
Играет ими, как мячами.
Осколками по сторонам
Стреляет, дерзок и отчаян.

И камни, словно напоказ,
Подбрасывая лихо, споро,
Похож становится подчас
На настоящего жонглера.

Спешит — прожорливей огня —
По Малой
По Алмаатинке.
Мчит, тесноту ее кляня
По Малой
По Алмаатинке.

Мчит, чтобы новые пути
Пробить себе, как коридоры.
Мчит, сравнивая на пути
С землей — холмы и косогоры.

Мчит в брызгах и в густой пыли,
Являя лютую отвагу.
Мчит, разрезая грудь земли,
Как будто лезвие — бумагу,
Мчит, вспучиваясь, как горбы,
Как ржавые горбы верблюжьи.
Не взрывов атомных грибы —
Летучий прах над селем кружит.

И ели, что в недавний срок
Вокруг пингвинами стояли,
Теперь обрушины в поток
И щепками несутся в дали.

Там кони бегали, легки,
Плескались гривы в беспорядке...
Напоминает Мынжылкы*
Не пастбище, а место схватки.

А сель, выказывая власть,
Смешал в одно бетон и камень:
Плотина малая — как пасть
С раздробленными им клыками.

Все рушит бешеный поток,
Все замуровывает сразу.
По счастью, лишь задеть он смог
«Горельник» — горную турбазу.

Как спичечные коробки,
Заградщиты несет к откосу.
Стальные,
В толщину руки,
Как нитки, лопаются тросы.

А над рекою той порой,
Беды не осознав открыто
И словно заняты игрой,
Кого-то ищут три джигита.

То там появятся, то тут.
Расстанутся, сойдутся вместе.
Каких-то девушек зовут,
В руках сжимая эдельвейсы.

Вот какова цветов цена!
Джигиты, в стороны бросаясь,

* Мынжылкы — тысяча лошадей.

Вновь выкликают имена
Купавшихся в реке красавиц...

Стремглав, стирая все следы,
Поток несется под обрывом.

— Ну, что ж ты, мама?

Где же ты? —

Зовет малыш нетерпеливо.

А сель — он из конца в конец
Безумной яростью охвачен,
Мчит без оглядки, как беглец,
Крушит и губит, как захватчик.

А сель — он воет, словно зверь,
Ни в чем не хочет знать предела.
Ты должен выстоять теперь,
Последний наш рубеж — Медео!

* * *

На машинах движутся войска
По дороге, уводящей в горы.
А куда их путь под облака —
Не затеешь, право, разговора.

Крытых грузов бесконечный ряд,
«Волги» вверх проскальзывают бойко.
Может, люди за город спешат
Или направляются на стройки?

Нет!

Сейчас вступили в резкий спор
Два потока, чей рубеж намечен:
Ведь один летит свирепо с гор,
А другой спешит ему навстречу.

Два потока так судьба сведет,
Как ни разу не сводила прежде.
И один — слепой и мертвый лед,
А другой — живой огонь надежды.

И один — стихии злой каприз,
А другой учел в своем дерзанье:
Легче, разрушая, мчаться вниз,
Чем стремиться кверху в созиданье...

* * *

Здесь горы
Густо елями одеты.
Каток Медео знает вся планета:
Отсюда ежегодно звон қоньков
Разносится легко по белу свету.

Ну, есть ли где еще такое чудо?!

Гранитный стадион вознесся круто.
А лед — как замороженное солнце
Или как будто полная луна
Плашмя припала к полю на минуту.

Медео!
Две горы — два исполина
Его покой обергают чинно.
А чуть повыше третий исполин —
Под солнцем возлежащая плотина.

Взорлил здесь разум или изнемог,
Когда дышали благородной целью
Те, кто воздвиг плотину поперек
Малоалматинского ущелья,

С тех пор прошло
Не так уж много лет,
А кажется, что здесь она отвеку,
Как пьедестал огромный, как хребет,
Как пробка, закупорившая реку.

К ней грозный враг запальчиво стремится.
Но, мирной тишиной окружена,
В трех окликах всего лишь от столицы
Бессменно на посту своем она.

Ни на мгновенье не теряя веры,
Что дать сумеет мужества урок,
Здесь котловина с озеро размером
Должна была вобрать в себя поток.

Покинув русло в ожиданье селя
И вся во власти этого скачка,
Бурлит в браслете крепкого тоннеля
В сторонку отступившая река.

А через миг, уже забыв о грусти:
«Ай-хай-хай!
Вот ты, воля моя, где!»—
Поет река и по родному руслу,
Как встарь,
Стремит свой бег к Алма-Ате.

И в час, что был для нас особо труден,
В тот час, что был особо напряжен,
Стояли на верху плотины люди —
Как будто гвозди, вбитые в бетон.

Их не смахнуть, как перекати-поле,
А упадут — опять сумеют взмыть!

Да, своего сооруженья долю
Готовы были люди разделить.

Не замирали в дни и ночи эти
Их думы, набирающей высь.
Вот и сегодня с самого рассвета
Не для гулянья люди здесь сошлись.

Открытый спор решит стихия разом.
Кто победит? Поток? Неужто он?
В борьбе с природой
Человечий разум
Восславлен будет или посрамлен?

Как дикий конь,
Вперед летящий шало,
Роняет топот в пыльную метель,
Вдруг резкий гул ударился о скалы...
— Смотрите, сель!
— Смотрите, это сель!

Ворочаясь и ухая сурово,
Смертелен, многоцветен и жесток,
То дыбясь, то распластаваясь снова,
В тоннель сначала ринулся поток.

Бетон изжевывая и корежа,
Камней тяжелых длилась чехарда.
Как из фонтанов в малярийной дрожи,
Свистя, хлестала в стороны вода.

Она сто раз свой путь перепахала.
Поток, что был извергнут Туюксу,
То расшибаясь вдребезги о скалы.
То вновь вскипая, нес в себе грозу.

Со скрежетом и скрипом налетая,
Валы друг друга били тяжело.
И чудилось, что древний Алатау
Мгновенно раскрошился, как стекло.

А что ж с тоннелем?
Наглухо, однако,
Казалось бы, вместительный проход
Заклинило — так пораженный раком
И крошки не пропустит пищевод.

К тому ж еще немеряная сила,
Стремясь коварство выразить ясней,
Все щелочки надежно залепила
В той мешанине глины и камней.

В тоннель валы вломиться не сумели.
Распространяя нестерпимый гул
И только миг помешкав,
От тоннеля
Поток, вращаясь, в сторону рванул.

Побольше валунов вобрав в лавину,
Он, презирая созданный тупик,
Попятился,
Помчался на плотину,
Боднул ее, как разъяренный бык.

Боднул еще — но не разнес преграды
Со скрежетом, напоминавшим стон,
Посланец льдов, мрачнея от досады,
Таранил перемычку, разъярен.

Вершины озарив закатным светом,
Глядело солнце вниз, удивлено:
Что там такое? Озеро ли это?
И если так — откуда здесь оно?

Заката не заметил наш Медео.
Рассвета не заметил наш Медео.
Зато, следя встревоженно за ним,
Людских сердец немало холодело.

Где б ты ни находился в час работы.
Будь там,
Где сель наращивает прыть,
Чтоб наши руки, техника, заботы
Смогли беде дорогу перекрыть."

С восходом солнца посветлее стало,
Хоть, правда, и до этого в ночи
Скользили по ущелью и по скалам
Прожекторов слепящие лучи.

Задержанное ребрами плотины,
Дрожа и пошевеливаясь зло,
Смешение камней, деревьев, глины
В ущелье, не смирившись, залегло.

Накапливая мощь и негодуя,
Сель все-таки пытается найти
Обход или хоть трещину какую
В преграде, что возникла на пути.

В преграде, устоявшей до рассвета.
И, не утихомирившись ничуть,
Он слепо жаждет
Перемычку эту
В отчаянном прыжке перемахнуть.

Он создал озеро другим на диво.
И открывает солнцу высота:

На дне ущелья вспененно, бурливо
В рост человека мечется вода.

Там смельчаки
Трудились час за часом.
Но словно бы в поднявшейся пыли,
В тех замутненных струях
Водолазы
Тоннель расчистить все же не смогли.

Река и глину, и песок наносит,
Река сейчас — союзница беды:
В работе земснаряды и насосы,
Но вверх стремится уровень воды.

Вот-вот поток
Скакнет через плотину:
Тоннель забит — усилия нелегки
Подержанью селевого джина
В бутылке переполненной реки...

И валуны, как стая волчья, с ходу
Набросятся на город в тот же миг...
«По-над плотиной следует обводы
Из труб соорудить для струй речных!

Не по пути им со стихией дикой!
Пусть в прежнем русле
Прежний ток воды
Собой питает чистые арыки,
Поит густые рощи и сады!»

Такое было принято решенье.
Затем ученые и власти в срок
Постановили: контрнаступление
Начать на грязекаменный поток!

А тут молва вскипает стоголосо:

— Ну, как же это так?

— Да что там сель!

Не представлял бы он такой угрозы,

Когда б существовал второй тоннель!..

Кто виноват в случившемся? Строитель?

Специалист? Размах стихийных сил?

А может, это ты, Руководитель,

Невольную оплошность допустил?

Беда — и на плотине в эту пору

С тобой народ испытанный стоит.

Сейчас напоминает дирижера

Тот властный — справа от тебя — джигит.

А вот другой: он занят только селем,

Он жизни не жалеет для труда.

Он, чудится, про отдых и веселье

Забыл в минуты эти навсегда.

Вот — третий: словно и не озабочен.

Приветливой улыбки не таит.

Он, часа не вздремнув в теченье ночи,

Невозмутим, всеведущ, деловит.

И тот вон увлечен сейчас работой,

Хоть ночь и для него была трудна:

Багровый —

Словно душит его кто-то

Или как будто выпил он вина.

Друзья!

О том не забывая, кстати,

Что землю сильной делает народ,

Не ради выгод и не славы ради
Вы в трудный час.
Выходите вперед.

Коль нужно что-то — спрашивают вас.
Бранят кого-то — спрашивают с вас.
Мизинца вид и вид большого пальца —
Вот две оценки ваших дел подчас,

Да я и сам, меняя пальцы, тоже
Не раз вам душу открывал свою,
Хоть я и сам пока еще, быть может,
Уверенней беру, чем отдаю.

Бить в грудь себя — не вижу в том отваги.
Но есть в природе худший перекос:
Овсюг — он потребляет ту же влагу,
Что и людьми посеянный овес...

А ведь раздайся хоть сейчас над нами
Призыв идти
На грозный штурм вершин —
Мы под свое единственное знамя
Без колебаний встанем как один

Среди ученых и специалистов —
Руководитель.
С каждым бугорком,
С любою тропкою и камнем мшистым
Он здесь давно и коротко знаком,

В отличие от тех,
Кто в гонке шумной
Изводят подчиненных, горячась,
Спокойствием и ясностью разумной
Достойно веет от него сейчас.

Он никого подстегивать не хочет,
В отличье от начальников иных
Советы инженеров и рабочих
Учитывая в действиях своих.

Да, в спорах истин рождено немало.
Недаром же одною из преград
На дно ущелья взорванные скалы
Обрушились семь лет тому назад.

Не раз идея этого свершенья
Вдруг отвергалась —
В сущности проста.
Сравниться может с муками рожденья
Лишь послеродовая маята.

Иные рассуждали, сердцу внимая:
«Такого риска не зnavали тут!
Удары взрывов растревожат землю,
А может быть, и город сотрясут.

И тихий ветер вихрем оказаться
Сумеет, понимаете ли вдруг,
Лавину селя,
Как степного зайца,
Спугнет в горах и приглушенный звук.

Кто взрыв введет в разумные границы?
А вдруг он не послушается нас?
А вдруг да и накроет всю столицу
Из гор на волю вырвавшийся газ?»

Любой костер разбрасывает искры,
А вспыхнет ярче — то и угольки.
И все же пламя самой верной мысли
Уводит вдаль сомненьям вопреки.

Одни из нас делам и риску рады —
Кто ни грози портфелями мечте.
Другие видят только то, что рядом,
А третий рады личной слепоте.

Известно, не одна неустрашимость
Крутой борьбе за новое под стать.
Всегда должны сомненье и решимость
Друг друга проверять и дополнять.

Не каждой птице — беркута паренье.
Не каждым суткам — лозунг или стих.
Не каждый взрыв приносит разрушенья.
Порой в обход быстрей, чем напрямик.

Чтоб стала ясностью
Любая мутность,
Сквозь разум пропусти текучку дня.
Как умничанью — подлинная мудрость,
Так страху осторожность
Не родня!

Дерзанья. Споры.
Чувство укоризны.
И камень подоить дано иным.
Специалисты —
Словно по две жизни
Отпущено в ответственности им.

Вот академик — горокат из лучших.
Хоть и сберег он юности задор,
Его седины — как снега на кручах,
Его морщины — точно складки гор.

Своей душой, всегда открытой шири,
Он был за взрыв — за этот сгусток сил.

И нынче академик из Сибири
На гулкий грохот селя поспешил.

Известно, если он за что берется,
То уж берется крепко, горячо:
Слова и жесты — как у полководца
И по-солдатски верное плечо.

А рядом, словно бы с другой картины
Живой невозмутимости пример,
Стоит еще один отец плотины —
Худой и загорелый инженер.

Он принял вызов, брошенный бедою.
Бессонен, темноглаз, черноволос,
Усами и густою бородою
За эти дни и ночи он оброс.

Когда-то, возражения откинув,
И он стоял за отгремевший взрыв,
Да, эти двое создали плотину,
В одно мгновенье горы своротив!

А если бы тогда, вконец измучась,
Смирился б тот, а этот бы притих,
Как мы корили б их...
Какая участь
Постигла бы теперь и нас самих!..

А если бы...
В надежде убедиться,
Что мрак не заслоняет синеву,
Взглянул Руководитель на столицу
И словно впрямь увидел наяву:

Смертельно заарканенный потоком
Пустеет город, страхом побежден.
Котлом, разбитым в лихости жестокой,
Затоплен знаменитый стадион.

Идя войной на счастье и удачу,
На достиженья сердца и ума,
Поток сровнял с землей сады и дачи,
Проспекты и высокие дома,

Дворец в волнах
Огромной шляпой мокнет,
Прервав звучанье смеха, кюев, строк.
Открыто солнцу — желтому моноклю —
То, как гигантский город изнемог.

Хоть зданий в нем погублено немало,
Слепому буйству не видать конца.
Поток сметает целые кварталы —
И кровью обливаются сердца.

Куда от общей катастрофы деться:
Ведь для одних из нас Алма-Ата —
Цветение садов над мирным детством,
А для других — десятки лет труда...

Руководитель страшные виденья
Рукою отогнал, как плотный дым:
Все это лишь игра воображенья,
Пока что город цел и невредим.

Подумал гордо:
«Сил в народе много!
Жаль, рук не хватит, чтобы всех обнять,
Кто нынче селю преградил дорогу,
А завтра повернет стихию вспять!»

Народ, конечно, сам себе спаситель,
Он сам воздвиг плотины мощный вал.
Но люди помнят: ты, Руководитель,
Решенье то о взрыве подписал.

Ты рисковал,
Но жил великой верой
И думал не о собственной судьбе,
Руководителя и инженера
Соединяя качества в себе.

Специалист!
Нам тех понятна гордость,
Кто это звание несет, не горбясь.
А всем ли скажешь: «Я — руководитель!»
Вполголоса — не то что в полный голос?

Теперь барханы зацвели в долине,
И воду пьют вчерашние пустыни.
Служить бессменно сорок лет стране —
О сколько дней в них, памятных доныне!

Казах упорству учится у нара*,
Лишь на вершине в рост идет чинара.
В заботах о других — не о себе —
Заиндевели волосы недаром.

Ну, как не загрустить в своей судьбе
По тем годам, что отлетели круто?
Прав иль неправ — любой идет к тебе —
А сам ты жалуешься ли кому-то?

Ах, как легко
По долам Коныратским

* Н ар — особенно выносливая порода верблюдов.

Джигита кони резвые несли!
Ах, прямо в руки рудные богатства,
Казалось, сами шли
Из недр земли!

Далекий день
Затеплился в сознанье
И снова понимающе погас.
... Да, отвлекаться на воспоминанья
Нельзя Руководителю сейчас.

Стоит Медео,
Занят главным делом.
Стоит Медео —
Крепок,
А не слаб.
В пыли,
В тревоге,
В грохоте
Медео
Стоит,
Как боевой
И строгий штаб.

О том, что обгорят, не беспокоясь,
Под солнечным огнем —
Да с огоньком! —
Солдаты, обнаженные по пояс,
Сгружают, торопясь, мешки с песком.

Сидеть и дожидаться ливня — глупо.
Здесь расторопны все до одного,
Стыкуя трубы, сваривая трубы,
Которые сейчас важней всего.

Сейчас сердца
Охвачены авралом,
И голубой огонь бросает в дрожь.
Сейчас любой из сварщиков похож
На рыцаря с опущенным забралом.

Сейчас дыханье стало запаленным,
Как в схватке разгоревшейся,— у всех.
Но как сильны, о жизнь, твои законы:
И песня здесь слышна, и даже — смех!

— Се-ель! —
Прокатилось сумрачно и длинно.
И вымахнула радуги коса.
И от удара дрогнула плотина.
И столб огня взметнулся в небеса.

6

Лист календарный сменился.
На месте
Не застоятся различные вести:
В мир этот снова младенцы вошли,
В семьи вошли молодые невестки.

Лист календарный сменился.
Мужчина
В черных кудрях обнаружил седины.
То ли тут к пенсии бодро спешить,
То ли о юности думать в кручине.

Лист календарный сменился.
И кто-то
Новое утро встречает с охотой.
Горе кого-то настигло сейчас,
Не отпустила кого-то забота.

Вот эти трое, которые честно
Ищут красавиц, оставленных тут:
Каждое утро на прежнее место
Горькие слезы джигиты несут.

И на людские, жестокие муки
Смотрит Медео, жарой опален.
Хрипло разносятся легкие звуки
Трех сокровенных
Девичьих имен.

Юноши держат в руках эдельвейсы
Те, что тогда им нарвать удалось...
Где же вы, девушки?
Где вы, невесты?
Где смоляное смятенье волос?

В ветре ли,
В песне ли вспыхнет догадка
Горе развеять.
Джигиты с утра
Ищут за елями — будто бы в прятки
Сутками длится и длится игра.

Ищут старательно и терпеливо.
И, возвращаясь с далеких орбит,
Эхо их громких, но тщетных призывов
Над грязекаменной массой кружит.

Что приближает старения сроки?
Где он — любви и страданий предел?
Мальчик,
Чью мать захлестнуло потоком,
Мне говорили, за миг поседел.

Горы, отмалчиваясь,
Переносят

Тяжкого,
Плотного зноя накал.
Будто и впрямь
Избегая расспросов,
Ветры забились в расщелины скал.

Копит недобрые силы природа,
Даже и в этом являя красу:
Стынут верблюдами, пьющими воду,
Льдистые глыбы вокруг Туюксу.

Струи, не ведающие пощады,
Могут быть сонны, прозрачны, легки.
Сказочный вид открывается взгляду,
Если поднять его вверх,— с Мынжылкы.

Горы
Из высей великих и малых
Только лишь небо одно
Признают.
Синее небо да синие скалы!
Жалко, что сели
Безумствуют тут...

Но и такое случалось веками:
Даже в богатые солнцем деньки
Из ледникового вымени капли
Еле просачивались к Мынжылкы.

Там же,
Где злая вода бушевала,
Словно бы память о канувшем дне,
Зримо зияет глубоким каналом
След, протянувшийся по крутизне,

И, как скакун, на неровной тропинке
Выбросивший из седла седока,
Резвая
Малая Алмаатинка
Мчит, в берега упирая бока.

Сель котловину покрыл валунами
И на тревогу Медео обрек.
Помните? Помните?
Словно цунами
Сверху вторично удариł поток.

Помните,
Прямо оттуда,
Где слепо
Мрак замышлял пресечение дней,
Белое пламя
Взметнулось до неба
Над мельтешеньем воды и камней?

Было б не страшно,
Когда б эту массу
Сон в голубые объятья увлек.
Но на плотину,
Не дремля и часу,
С остервенением давит поток.

А та, хоть и стонет,
На месте застыла, тверда.
Кто знает, случится
Иль не случится беда?
А ростом плотина —
Как многоэтажное зданье.
Сквозь толщу плотины,
Фильтруясь, сочится вода.

Чернеет плотина —
Откос ее сильно промок.
Досадует сель, что не хлынуть
Назад или вбок.
С высот Туюксу
Прорываются новые струи —
Вот-вот опрокинет плотину
Окрепший поток.

Вот-вот одолеет плотину.
Сомнет. Разнесет.
И черным туманом
Весь город накроет вот-вот.
Мне трудно улавливать
Пульс наступившего часа —
Лица должностного
Теперь наступает черед.

— Москва?
Нет, наш сель не утих!
Пока новостей никаких.
У нас, чтобы выиграть сутки,
И час на учете, и миг!

Да, путь будет скоро открыт
Воде, напирающей шало.
И в трубах она забурлит —
В двух созданных нами каналах.

И русло,
Привыкшее к ней,
Кипеньем наполнится смело.
И станет
Намного прочней
Плотины намокшее тело.

Мы приняли
Множество мер.
Сегодня здесь руководитель
В решениях своих — инженер,
По образу мыслей — строитель.

О нуждах
Справлялись друзья
Из Киева и из Ташкента.
Звонят отовсюду друзья,
Узнав про серьезность момента.

Сил хватит.
Но Родине всей
Спасибо за это участие.
Живя на виду у друзей,
Нам не устрашиться напасти.

Но сель этот наверняка
Запомним на долгие годы.
Нет, средств у нас много пока
Спасибо, Москва, за заботу!

Что именно?
Как наш народ?
И признака нет беспокойства:
Работает, песни поет —
Беспечность в том или геройство?

Уверенность? Видимо, да!
Солдаты из нас неплохие:
Коль нужно — вся Алма-Ата
Поднимется против стихии.

Сейчас предлагает любой
И опыт, и силы, и знанья.

Да, завтра
Решающий бой —
Решающее испытанье.

Нависла над нами беда.
Но справимся.
И, между прочим,
Дадим миллиард, как всегда.
Спасибо!
Спокойной вам ночи!

Какой бы силой
Ни был ты отмечен,
Тревога и тебе ссугулит плечи.
Но бодрость тот короткий разговор
Вдохнул в Руководителя под вечер.

Слова в сознанье повторялись снова.
Казалось, у сегодняшней черты
Для всей Отчизны
Дела нет иного,
Как счастье и покой Алма-Аты.

Неужто в одиночку было легче
Нам, степнякам, осиливать пути?
Сварливых речек, помню,
В Семиречье
Насчитывали мы до двадцати.

И синяя. И желтая. И белая.
Льды и снега питали их в горах.
И шумная. И тихая. И смелая.
Они весной бурлили второпях.

Тонул степняк в Кегене и в Богене.
Скотину и аул наверняка

Скорее прочих губит наводненье
Твое, о невеликая река!..

Как справиться с природною бедою?
И вот иной бедняк клянет судьбу,
Пока, глядишь ты, вешнею водою
Уносит прочь кормилицу-арбу.

Легкоправлялись струи с одиночкой.
И хан, и зверьправлялись с одиночкой.
И враг, и джутправлялись с одиночкой.
И злой законправлялся с одиночкой.

Одних жара губила без пощады,
Других разливы рек —
Средь бела дня.
Да, Семиречье шло кругами ада
К земному раю нынешнего дня.

Крылом в окне белеет занавеска.
Тревоги не пытаясь превозмочь,
Там, у окна, распахнутого резко,
Руководитель всматривался в ночь.

В июле на объятия красавицы
Она похожа — ночь Алма-Аты.
Как будто косы,
Ивы чуть касаются
Дремотной, предрассветной темноты.

Окутанные таинством великим,
Меж сном и явью замершие тут,
Молчат цветы.
А быстрые арыки
Звенят о чем-то, шепчутся, поют.

Потом проснутся горы на рассвете
И ароматом опьянят на миг
Так, словно бы к тебе домчался ветер,
Коснувшись той, что краше всех других.

И позабудешь ты, как пыль сутулится,
Как спит, рыжая, у твоих дверей,
Как мчит поземкой серой...
В недрах улицы
Видны ряды горящих фонарей.

Не бисером ли бархат оторочен
Воц там, внизу,
Где робость затая,
Застыла эта пара среди ночи,
Как два про все забывших соловья.

И мотыльков бессонных не осталось
У фонарей в неранний этот час.
Руководитель — и его усталость
Отметила морщинками у глаз.
Но губы шепчут:
— Пусть же до рассвета
Поспит Его Величество Народ!
С утра с цветами,
С зорями,
С планетой
Его очередная встреча
Ждет!

О, люди!
Ваших требований бремя
Не сложишь и другим не передашь!
Какому слову славить в наше время
И вас самих, и труд заветный наш?

Обычна эта ночь
В своем величье:
В грядущем
Пожинать ее плоды.
До утренней зари,
До песен птичьих
Спокойной ночи,
Люди и сады!

Не зря кипит работа на Медео,
Где льдины и утесы тяжко спят!..—
Руководитель
Вновь включился в дело,
Придвинув телефонный аппарат.

Он в трубку
Задавал вопросы скруто:
— А что самой плотины высота?
Как далеко ушли стальные трубы?
На сколько поднялась еще вода?

Ну что ж, спасибо вам!—
Сказал кому-то
И вспомнил, трубку опустив, про сон.
Прилег, но в ту же самую минуту
Его звонком окликнул телефон.

Руководитель встал:
— Вот это дело!
Ждала такого ливня целина!
Как на Медео? Утром о Медео
Узнаете и вы, и вся страна!—

...Хотя часы не попусту летели,
В чужие разговоры до сих пор
Вторглся я без спроса — мне о селе
Пришел черед продолжить разговор.

Мой строгий бог и друг мой настоящий,
 Читатель, чьей я страстью раскален,
 Всесведущий, всеслышащий, всезрящий —
 Чем ныне можешь быть ты удивлен?

Вращается планета в нетерпенье —
 Бег времени с годами не пресечь.
 Но силясь задержать
 Хотя б мгновенье,
 Я об известном начал эту речь.

Пусть только совесть каждого поэта
 Поэтом занимается сама.
 Нередко признают талант поэта,
 Чтоб не признать в нем здравого ума.

Что ж, даже гениальность
 Суд неправый
 И ту порой в безумстве обвинял.
 Стихи — не детектив и не забава:
 Свой замысел у них, свой идеал.

Пишу и о веках, и о мгновенье,
 И о себе, и о тебе, мой край.
 Пишу, чтоб разбудить воображенье,
 Чтоб вызвать мысли, как сказал Абай.

Твой суд, читатель, я встречаю смело:
 Дай выпить яду, поднеси шербет.
 Известно всем, что устоял Медео
 И продолжает путь сквозь толщу лет.

Поток не смог на город устремиться,
 Хоть знай палил нещадно с вышины.
 Известно всем,

И люди, и столица,
И честь народа были спасены.

Тогда под песню собственного гула,
Разрывом с мощью гибельной горда,
По трубам в русло прежнее скакнула
Над самою плотиною — вода.

И вот одни кричат, другие немо
Глядят на струи вспененной реки.
И сварщики подбрасывают к небу
Работой прокопченные щитки.

Взлетают к небу кепки, малахай,
Как будто детству вновь пришла пора,
И до Алма-Аты, не затихая,
Доносится счастливое «ура».

Один прилег — усталостью он донят,
Другие ходят — страшного страшней.
Гремят аплодисментами ладони,
С усилием оторвавшись от рулей.

Непросто речью выразить порывы.
Иное вовсе выразить нельзя.
Но посмотри, читатель,
Как красивы
Героев воспаленные глаза!

Все — чувствами сердечными влекомы —
Целуются среди суровых скал.
Кто разберет: знакомы, незнакомы,
Где здесь юнец и где здесь аксакал?

Слеза иль пот? Весомые, как бремя,
Сверкают капли возле глаз, но их

Не смахивают:
Здесь едино время,
Едина радость и един язык.

Хранить бы нам, друзья, в музейных залах
Пробирки слез того крутого года,
Щитки — доспехов рыцарских забрала,
Рубашки, побелевшие от пота.

И тех, к кому торю свои дороги,
Я профили б нанес на срезы скал
И на плотину памятники многим
Вознес, как на готовый пьедестал.

Да, многие здесь не жалели жизни.
Они, стихии перекрыв пути,
Не думали совсем о героизме,
Не мыслили в историю войти.

Что ж, слава им
За этот труд и смелость —
Кто против своевременных похвал?
Но главное, чего тогда хотелось:
Уснуть, свалившись там же, где стоял.

И пусть восход сменяется закатом,
Пусть под боком утесы холодают!..
Потом припомнить:
«Сладко я когда-то
Вздремнул в ущелье древнего Медео!»

Людьми сейчас все тропочки забиты.
Но я, читатель, выискав свою,
Тех безутешных — помнишь? —
Трех джигитов,
В толпе один по праву узнаю.

Пока что горе всюду с ними вместе,
Оно сердца сожмет еще не раз.
Но парни дарят людям эдельвейсы,
Не выставляя скорби напоказ.

Не эти ли цветы с мечтой о чуде
Джигиты в день жестоких перемен
Несли на берег тот, который люди,
Быть может, назовут — Кыздаркеткен?*

Без сильных чувств
Слеза ресниц не смочит...
Но длилось ликование победителей:
Руководитель шел в толпе рабочих,
Специалистов и руководителей.

Алма-Ата, не ведая кручины,
Опять тянулась к счастью и к размаху.
И гуси, переваливаясь чинно,
В предместье горном двинулись к оврагу.

И ветер, не помедлив и мгновенья,
За вести, донесенные сюда,
Листву целую в знак вознагражденья,
Шепнул:
«Идет красавица вода!»

И впрямь идет она, идет,
Прекрасна
И пеной, и прозрачностью сквозной.
Хоть и сегодня небо ясным-ясно,
Не так суров и обжигающ зной.

* Берег утонувших девушек.

И две весны над нашей стороною
 С тех пор прошли и скрылись вдалеке.
 Что ж, в памяти стирается иное,
 Как будто надпись мелом на доске.

Но не забылся год семьдесят третий,
 Но та тревога все еще жива:
 У каждого уст свой возникает ветер —
 То гаснет, то пылает вновь молва.

Одни вам об опасностях расскажут
 И о своем спасении расскажут,
 Другие о борьбе тех дней расскажут
 И о своем участие в ней расскажут.

За взрыв, мол, эти были в самом деле,
 А те смиряли сель, не устрашась.
 Но дружно вопрошаем мы сейчас:
 «Что стало б с нами, если б не Медео?..»

Наш город грязь и камни не подмяли.
 И все-таки, мы знаем, в час крутой
 Медео спас бы город наш едва ли,
 Когда б не «кое-что» в борьбе с бедой.

Когда б, допустим, не эпоха света,
 Не люди, окружающие нас.
 Пусть все это понятно —
 Но об этом
 Напомнить не мешает лишний раз.

Не просто видеть чьи-то достиженья,
 А сопереживать им
 Нам с руки,
 Поскольку созерцанье без волненья —
 Как пищи непрожеванной куски.

Не всем нам и не вечно мыслить дерзко.
Бывает так охота иногда
Медлительных ответов ждать по-детски,
Дивясь: откуда? как? зачем? когда?

Бездарным быть — еще не преступленье:
И слабый в силах создавать и сметь.
Преступно подвиг предавать забвенью,
Несправедливо более, чем смерть.

Ряды гостей у нас не поредели.
И ты на край,
Читатель мой, взгляни,
Где перед славой нового Медео
Известность Мекки меркнет в наши дни.

Сюда идут посланцы всей планеты:
Один в молчанье мужеству дивится,
Другой на сто вопросов ждет ответов
О селе, о Медео, о столице.

Как чудо, объявившееся в мире,
Стихии дикой давшая отпор —
Повыше, понадежней и пошире
Лежит теперь плотина среди гор.

В ней есть душа, которая готова
Откликнуться, поверить и помочь.
Она — созданье подвига людского,
Своей эпохи истинная дочь.

Мы научились многому у селя,
И это время шло не без забот:
В горе пещера нового тоннеля —
В него и поезд запросто войдет!

И Туюксу
Гостей встречает кротко,
Хотя его секреты глубоки.
По синей глади проплывают лодки,
С вершин надменно смотрят ледники.

Нет, своего природа не упустит.
Но, помня про недавнюю грозу,
Мы держим руку разума на пульсе
Спокойного пока что Туюксу.

До знойных дней безжизненны,
Однако,
Стихийной силой полны ледники.
Внизу — снега и ветры Чимбулака,
Внизу — Кыздаркеткен и Мынжылкы.

Бесстрашный город дремлет у подножья:
Там есть для всех и счастье, и цветы.
Лишь памятника
Схватке с дикой мощью
Пока что нет в садах Алма-Аты.

Но памятник — плотина!
Словно чудо,
Она сумела город уберечь.
«Когда бы не Медео...» — так повсюду
Заводят речь и обрывают речь.

Итак, поэму о недавнем селе
Пора кончать, все прояснив вполне.
Учи, читатель мой, на самом деле
И о тебе она, и обо мне.

Я с песней никогда не буду слабым.
Учи, у нас в любые времена,

При всех возможных «если» и «когда бы»,
Есть главное — Советская страна.

Я все сказал.
Но в классики при жизни
Не тороплюсь — и в глубине души
Ты этот труд, читатель мой, домысли,
Продолжи сам,
Дочувствуй,
Долиши!

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

Моя песня	7
Весенняя степь	10
«Зачем девчонку я обидел...»	13
Хлеб	15
Дойду до горизонта	16
Полынь	19
Ты снилась мне	21
На берегу Урала	23
Мужчины	25
Тургайский рассвет	28
Поселок Джамбейта	30
Земля Кокчетавская	33
Даuletкерей	36
На Мамаевом кургане	39
Я делю с ними зрелость	42
Проходят солдаты	44
Красная береза	45
Женеше	51
Трубы	54
Баллада о матери	56
Мое поколение	59
Старое фото	61
Все в памяти	62
Слово к живым	65
Глобус	72
Верю в людей	74
Казахский язык	76
Об истории	79
Смерть Медного Котя (баллада)	83
«Свет, пламя и вода..»	86
Годы	87

Спасибо вам, мечты мои	89
О лозунгах	91
Мечты	93
«Без солнца утро не настанет...»	94
Трудовому классу	95
Слезы	96
«Календари сменились...»	97
Счастье	99
«Хоть сам соловей...»	100
«Я днями не испытывал тревоги...»	101
«О, как скор самолет...»	102
«Мы очень непросты...»	104
«Хоть сто тюков тащи он...»	105
«Меня ли, критик, ты ослабишь...»	106
«Судьбу я заклинаю жизнью...»	107
Завистнику	108
«И солнца луч порой...»	110
«Красивый. Мудрый...»	111
Пешка	112
«Люблю я дождь стремительный...»	114
«Что ж, статья хороша...»	115
«Ему талантов видимых не нужно...»	116
Одному критику	117
«Кто слаб и тих, завидует...»	118
Краткие раздумья	119
Совесть и Честь	123
Знаком казах мне	127
К сведению желающих	129
«В этот миг посланцам красоты...»	131
В алматинском Дворце бракосочетания	132
Твои огни	134
Из пожелтевшей тетради	135
Седой волосок	139
«Друг к другу мы тянулись...»	142
Я придумал тебя	143
Забытые строки	145
«Слетает пух с небес...»	150
«Я помню, бесконечные мгновенья...»	151
Свояченицы (шутка)	153
Осень	156
Диляра	158
Благодарность	159
Малеевка	161
Две встречи с Маршаком	163

Индия — 1969	165
Пробудившийся титан	165
Дыхание Дели	167
Цветы Кералы	170
Ночь Бомбея	173
ПОЭМЫ	
Орлиная степь	185
Сель	229

Джубан Мулдагалиев
ДОЙДУ ДО ГОРИЗОНТА
Новые стихи и поэмы
(Перевод с казахского)
В. САВЕЛЬЕВА

Редактор Р. А р о с л а н о в а.

Художник А. Л а т ы н и н .

Художественный редактор

Т. М у х а т о в .

Технический редактор

К. Ф а р и т д е н о в .

Корректор Г. С ы з ды к о в а .

Сдано в набор 19/XI-75 г. Подписано
к печати 16/III-76 г. Бумага типо-
графская № 1. Формат $70 \times 100\frac{1}{3}_2 =$
 $= 9,0$ п. л. $= 11,7$ усл. п. л. (Уч.-изд.
л. 10,32. Тираж 40 000 экз.
Цена 1 р. 18 к.

Издательство «Жазушы», г. Алма-
Ата, 480091, пр. Коммунистиче-
ский, 105.

Заказ № 2064. Фабрика книги про-
изводственного объединения поли-
графических предприятий «Кітап»
Государственного комитета Совета
Министров Казахской ССР по делам
издательства, полиграфии и книжной
торговли, 480046, г. Алма-Ата,
пр. Гагарина, 93.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

ВАШИ ОТЗЫВЫ ОБ ЭТОЙ КНИГЕ ПРИ-
СЫЛАЙТЕ ПО АДРЕСУ: 480091
Г. АЛМА-АТА, ПР. КОММУНИСТИЧЕ-
СКИЙ, 105, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЖАЗУ-
ШЫ».